

A portrait of an elderly man with white hair, a mustache, and glasses, wearing a grey herringbone jacket over a white shirt and a striped tie. The background is a solid grey.

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

**ГОДЫ
ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ**
ЗАПИСКИ ГЕРОНТОЛОГА

Владимир Николаевич Анисимов
Годы привередливые.
Записки геронтолога
Серия «Научно-популярная
медицина (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48613394

В. Н. Анисимов. Годы привередливые. Записки геронтолога: ООО

«Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-118095-9

Аннотация

Перед вами книга, охватывающая полвека научной жизни. Интереснейшие культурологические воспоминания воскрешают малоизвестные страницы истории нашей страны. Владимир Николаевич Анисимов рассказывает о своём профессиональном и личностном становлении: как он стремился стать врачом, учился в медицинском училище, затем в I Ленинградском медицинском институте, как защищал кандидатскую и докторскую диссертации, но при этом ездил на целину и в стройотряды. Эта книга – пример добротной мемуаристики. Она будет интересна широкому кругу читателей, ищущих правдивое повествование о советском времени. Но особенно полезна книга

будущим врачам и учёным: многие ситуации, описанные автором, имеют педагогическое значение. Происходящая на наших глазах технологическая революция в молекулярной биологии и расшифровка генома организмов, существенно различающихся по продолжительности жизни, открывают новые возможности как для изучения генетических основ долголетия, так и для разработки средств, предупреждающих преждевременное старение и улучшающих качество жизни пожилых людей. Член-корреспондент РАН, доктор мед. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Геронтологического общества В. Н. Анисимов развивает идею о том, что долголетие зависит не только от генов, которыми наградила нас судьба, но и от собственного выбора образа жизни.

Содержание

От автора	6
Глава 1. Выбор пути	11
Глава 2. Введение во храм	57
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Владимир Анисимов

Годы привередливые.

Записки геронтолога

© Анисимов В. Н.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

От автора

Как остроумно и точно заметил академик Ю. Г. Леонов¹, желание заняться написанием мемуаров является одним из симптомов наступившей или приближающейся старости, родом психического недуга, которому трудно сопротивляться. Что ж, «у природы нет плохой погоды», в каждом возрасте есть свои прелести и ограничения. Издавая с 1996 года информационный бюллетень «Вестник Геронтологического общества РАН», для заполнения остающихся свободными мест на полосах этой газеты я стал помещать на них афоризмы и высказывания известных и не очень известных людей о возрасте, старении, старости и долголетию, назвав эту рубрику «Размышлизмы». За многие годы накопилось довольно большое число таких «размышлизмов», которые составили целую книгу, вышедшую в 2016 году и дополненную во 2-м издании в 2019 году^{2,3}. Неожиданным образом процесс собирания «размышлизмов» подтолкнул меня к написанию «мемуаразмов» (термин, использованный в уже упомянутой книге Ю. Г. Леонова, но рожденный независимо от него много лет тому назад). 50 лет занятий наукой, при-

¹ Леонов Ю. Г. Камень – ножницы – бумага: сборник эссе. М.: Наука, 2012.

² Анисимов В. Н., Горанская С. В. Не дождётесь! М.: РГ-Пресс, 2016. 336 с.

³ Анисимов В. Н., Горанская С. В. Не дождётесь! 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГ-Пресс, 2019. 384 с.

шедшиеся на драматические годы расцвета, застоя и распада СССР и непростой период перестроечных и постперестроечных лет, оказались насыщенными таким множеством событий, рождением новых научных идей и ниспровержением казавшихся незыблемыми концепций и теорий, да и изменения статуса и престижа самой науки в обществе, что захотелось оглянуться и осмыслить происходившее с нами всеми и со мной. Был ли это бег в третбане (беличьем колесе) или спланированное и последовательное движение к заветной цели, цепь случайностей или реализация некой миссии, возложенной на тебя Провидением?

Как заметил Шопенгауэр в своих «Афоризмах житейской мудрости», «чтобы жить вполне разумно и извлекать из собственного опыта содержащиеся в нем уроки, следует почаще вспоминать прошлое и пересматривать все, что было прожито, сделано, познано и прочувствовано при этом, сравнивать свои прежние суждения с настоящими, сопоставлять свои задания и усилия с результатами». Каковы же итоги? Признаться, подобно Андрею Вознесенскому: «Что достигнуто? Я в дураках. Жизнь такая короткая!», или утешить себя словами Николая Заболоцкого:

О, я недаром в этом мире жил!

И сладко мне стремиться из потёмок,

Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,

Доделал то, что я не довершил.

Первое издание книги вышло в 2014 году. Тираж был небольшой и быстро разошелся. После выхода книги в научных журналах были опубликованы три весьма положительные рецензии^{4,5,6}. От коллег и читателей я получил много греющих душу откликов, среди которых были и критические. Несколько читателей отметили перегруженность книги «медициной». Кто-то из коллег посетовал на то, что не нашел своего имени среди фигурантов того или иного события, упомянутого в книге. Признаю, что-то забылось, что-то пропущено. Увы, память человека не безгранична и избирательна. Мемуары всегда субъективны и уже в силу этого уязвимы для критики. Тем не менее книга была востребована. Приведу выдержку из письма читателя: «...именно из субъективных воспоминаний разных людей можно сложить портрет времени и составить правдивую историю. Ваша книга интересна и будет нужна тем, кто решится когда-нибудь честно разобраться в том, что происходило и происходит с людьми в России. Книга очень личная и откровенная, написанная по велению души, а не по заказу».

Вам, читатель, судить о книге и авторе. Я же приношу

⁴ Анисимов В. Н. Годы привередливые. СПб.: Эскулап, 2014. 400 с.

⁵ Долгова В. И. Направленность личности как вектор психического здоровья российского ученого Владимира Николаевича Анисимова // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2015. № 4 (122). С. 244–250.

⁶ Ильницкий А. Н. Рецензия на книгу члена-корреспондента РАН, доктора медицинских наук, профессора В. Н. Анисимова «Годы привередливые (СПб.: Эскулап, 2014. 400 с.) // Геронтология. 2014. № 4. URL: gerontology.esrae.ru/ru/8-98

свою искреннюю благодарность за критические замечания и дружеские советы, высказанные при подготовке этой книжки к печати, моей жене Елене Михайловне, брату Дмитрию Николаевичу, сыну Сергею, дочери Марии, моим друзьям и коллегам Н. А. Бахареву, М. А. Забежинскому, О. В. Комаровой, В. В. Концевому, Т. К. Кудрявцевой, В. Б. Окулову, А. Н. Павленко, И. Г. Попович, А. В. Сидоренко, Е. В. Цырлиной и всем, приславшим критические замечания и дружеские советы, которые я старался учесть при подготовке к печати ее второго издания.

Завершу свое краткое предисловие строчками, вошедшими в книгу «Весенним месяцем нисаном...»⁷:

«И настанет царство Истины?»

Пилат

Когда придёт последний мой экзамен
И пригласят на самый Страшный суд,
То спросят строго: «Ты грешил стихами?»
И эту книгу в зал торжественно внесут.
И снова спросит грозный Судия:
«Ты в книге лгал, утаивал, лукавил?»
И правду вымыслом своим разбавил?»
«Всё правда в ней», – ответу тихо я.
«Последний мой вопрос, поэт,
Ответствуй без лукавства —

⁷ Анисимов В. Н. Весенним месяцем нисаном... 2-е изд. СПб.: Система, 2008. 164 с.

Заступит Истина на царство?»

«Нет в том сомненья!» – мой ответ.

«Когда любовь весь мир согреет,

Она всю злобу одолеет.

И истины прольётся свет».

...Но слышу вопль Пилата: «Нет!»

Глава 1. Выбор пути

*Кружит планета, дни считая,
Недолог день и краток год.
И детство, в юность убегая,
Сквозь зрелость к старости ведёт.*

Первые шаги

«Станешь доктором – изобретёшь таблетки от старения», – говорила мне мама, когда я был совсем маленьким. Она поступила в I ЛМИ им. акад. И. П. Павлова в 1940 году. Но через год началась война, и одного курса медицинского, хотя и высшего, образования было недостаточно, чтобы стать медсестрой, но хватало, чтобы собирать умерших прямо на улицах или в промерзших домах и отвозить их в морг. Когда у мамы началась дистрофия, одноклассница и подруга её старшей сестры позвала их в воинскую часть, стоявшую в её родной деревне Мурино, которая тогда была далеким пригородом, а сейчас там даже станция метро «Девяткино». Так мама стала солдатом, а солдатский паек был больше, чем рабочий. В этой части, которая снаряжала снаряды взрывателями и взрывчаткой для Ленинградского фронта, она прослу-

жила до конца войны. Отец мой, Николай Александрович, в 1936 году по комсомольскому «ворошиловскому» призыву приехал из Березников в Ленинград поступать в артиллерийско-техническое училище. В Березниках мой дед Александр Павлович Анисимов строил электростанцию. Дед окончил реальное училище, участвовал в обороне Порт-Артура, где удостоился Георгиевского креста за храбрость. Моя бабушка Татьяна Александровна была дочерью кадрового военного, окончив гимназию, учительствовала в начальных классах. Так что выбор военной карьеры отцом был не случайным. Окончив в 1939 году Ленинградское артиллерийско-техническое училище, отец стал специалистом по боеприпасам, взрывчатке и взрывателям, был участником зимней войны с Финляндией, на которой потерял ухо: в ту суровую зиму обморожения косили бойцов не хуже вражеских пуль... 22 июня 1941 года отец встретил в Таллине, эвакуировался на санитарном транспорте «Балхаш» и был сброшен в воду с палубы разрывом бомбы: немецкие пикировщики не обращали внимания на выложенные на палубе полотнища с красными крестами. Отца подобрал «морской охотник» и пересадил на штабной корабль «Вирония», но тот на пути в Кронштадт затонул, подорвавшись на mine. До прихода тральщиков, спасших их спустя 7 часов, каким-то чудом продержались в воде менее сотни уцелевших из свыше двух тысяч раненых, больных и эвакуировавшихся военных, размещавшихся на борту. Всю блокаду отец провёл в осажденном Ленинграде.

Сначала он занимался разминированием неразорвавшихся вражеских бомб и снарядов, а затем служил в воинской части, носившей (видимо, в целях сохранения военной тайны) мирное название – ПСМ-21 (Передвижные снаряжательные мастерские). В этой-то части, снабжавшей боеприпасами защитников города, и состоялась встреча несостоявшегося врача Машеньки с капитаном технической службы Николаем Анисимовым, за которого она вышла замуж. В декабре 1945 года родился я. Потом отца направили в г. Магдебург в Германии, где в 1948 году родилась моя сестра Татьяна. Затем отца перевели в Калининград и лишь в 1952 году мы вернулись в Ленинград. С двумя маленькими детьми учиться в медицинском институте было невозможно. Мама поступила в юридический техникум, где за два года университетские профессора прочитали ей и другим фронтовикам университетский курс. Так мама стала юристом и всю жизнь проработала в крупном промышленном объединении. Она часто говорила, что очень хотела стать врачом, и, видимо, эту нереализованную лично мечту воплотила во мне.

В школу я пошел в Калининграде в 1952 году. Помнится, что школа и дом, в котором жили семьи офицеров, были единственно уцелевшими зданиями на улице – все остальные лежали в руинах. В школу меня брать не хотели, так как к тому времени мне ещё не исполнилось семи лет. Но все мои друзья пошли в 1-й класс, и я так плакал, что меня пожалели и взяли: пусть, мол, походит пока. Через полгода мы вернулись в Ленинград и меня приняли в 334-ю мужскую школу, что на улице Ткачей за Невской Заставой. Жили мы на этой же улице в большом доме № 4, который все называли «железнодорожным», потому что в нем жили в основном семьи рабочих и служащих Пролетарского паровозоремонтного завода. На заводе до войны работали кузнецами мой дед по материнской линии Владимир Данилович и два его родных брата. Кузнецы имели броню от призыва, но три брата ушли добровольцами на фронт и погибли или пропали без вести. Дед Володя воевал в народном ополчении на Пулковских высотах. Пришедший в дом с фронта какой-то сослуживец деда сказал маме, что при нем деда ранило осколком, его повезли на телеге в тыл, и в неё попал снаряд. Это было в 1942 году. Бабушка (его жена) умерла еще до войны от рака. На Пролетарском заводе работала штамповщицей мама, а тётя Нина. Ее муж также погиб в блокаду. Она жила с нами в одной квартире со своей дочкой Бертой. Ещё в квартире жила соседка тётя Маруся Ефимова с сыном Вале́й. Нуж-

но ли говорить, что муж тёти Маруси тоже погиб на фронте? Валя был старше меня и научил играть в шахматы. Потом он окончил институт, стал радиоинженером и работал на оборонном заводе.

Omer —
to the ...

Mamie —

Почти все жильцы нашего дома жили в коммуналках. Во дворе были фонтан, карусели и «гигантские шаги». У мальчишек были свои правила: часто дрались, но упавшего никогда не били. Бывало, дрались улица на улицу, двор на двор. Помню дворничиху тётю Марусю и ее мужа дядю Мишу, который был управдомом, но носил на голове железнодорожную фуражку с молоточками. Тётя Маруся по вечерам ходила со свистком, загоняла всех детей по домам. В Новый год в фонтане ставили большую ёлку, которую украшали разноцветными электрическими фонариками, устраивали праздник и Дед Мороз (дядя Миша) раздавал всем детям подарки. Помню, что регулярно во дворе были субботники, когда все жители выходили с лопатами и граблями, приводили в порядок двор, сажали цветы на клумбах и деревья. Я сам посадил напротив нашего подъезда саженец клёна. Рядом с домом был большой пустырь, на котором мы играли в футбол. Были сараи, в которых кто-то держал кур. Помню, как однажды мы играли в футбол, а взрослый мужчина у сараев рубил головы курам, и убиенный петух без головы бежал по полю.

С родителями, 1947 г.

Когда мне было лет десять, мама купила мне «бобриковое» пальто. В те времена народ в нашем доме жил весьма скудно, все стеснялись ходить в хорошей одежде, чтобы не выделяться на общем фоне. Я специально упал с карусели в лужу, будто бы сорвался – пальто сразу стало не новым. Даже в институт я поступал в отцовском пиджаке и ботинках и, кажется, даже в отцовских брюках, поскольку вырос за лето из своих: сохранилась такая фотография.

В 1955 году отца направили служить в Дальневосточный

военный округ. Мы сели в поезд и девять суток ехали через всю страну в Хабаровск. Это было грандиозное путешествие, мы видели границу между Европой и Азией, затем бескрайнюю Сибирь. Запомнилась остановка на какой-то станции у Байкала, где все пассажиры с бидонами или бутылками бросились набирать кристально чистую воду. Папа купил у рыбаков копченого омуля. Сначала отец служил в части, которая располагалась в нескольких километрах от Хабаровска, в поселке Красная Речка. Там река Уссури впадала в Амур, и во время наводнения, которое летом обычно заливало улицы поселка, местные жители прямо с лодки острогой били усатых сомов.

На Красной Речке семьи офицеров жили в двухэтажных деревянных бараках. Я учился в 4-м классе. Помню, как учительница Ольга Гавриловна читала нам газету «Правда», где был напечатан доклад Н. С. Хрущёва на XX съезде партии. Понять нам, по малолетству, происходящее в стране было не дано, но запомнилось взволнованное лицо учительницы и её срывающийся голос. Через год отца перевели в Хабаровск, и он служил в штабе округа. Он часто ездил в командировки, говорил, что с инспекцией военных баз и частей. Много позже он рассказал, что часто его посылали разминировать японские боеприпасы, оставшиеся с войны во многих местах – от Курил до Камчатки. Людей с фронтовым опытом, да еще специалистов по взрывателям и боеприпасам, было немного.

В Хабаровске мы сначала жили в коммунальной кварти-

ре на улице Серышева, а затем переехали в квартиру в доме по улице Калинина, примыкавшему к дому, называвшемуся «генералкой», наверное, потому что в нем жили семьи генералов и офицеров, служивших в штабе Дальневосточного военного округа. От дома было недалеко до парка на берегу Амура. Любимым занятием было гонять во дворе в футбол. Запомнилось, что команда «нашего двора» даже участвовала в районных и городских соревнованиях по футболу среди мальчишек, и в какой-то год мы заняли 2-е или 3-е место в городе. А один парень из нашей команды стал потом известным в городе футболистом и хоккеистом, играл за команду мастеров СКА по хоккею с мячом.

В школе я учился хорошо. Заданное на дом занимало у меня немного времени, так как легко запоминал всё, что говорилось на уроках. С пацанами мы ходили на берег Амура ловить бычков. На берегу Амура военные строители к 100-летию города, основанного в 1858 году, построили замечательный стадион. Улица Серышева вела прямо к одному из входов на стадион, и с неё вниз к реке спускалась длинная лестница. Во время праздничных салютов солдаты, которые пускали салют из ракет, располагались на самой верхней площадке этой лестницы. Ракеты доставали из коробок или мешков, и мы клянчили у солдат невыпущенные ракеты. Особенно ценились ракеты с парашютами, которые долго светили. Как-то с соседским мальчишкой мы спустили кота с балкона, привязав его к парашюту.

В медицинском училище

В 1959 году, когда я учился в 7-м классе, объявили, что в школах вводят 11-летнее обучение. Мне почему-то пришла в голову мысль поступить в фельдшерское училище, чтобы за те же четыре года уже иметь специальность. Несмотря на то, что мне не было ещё 14 лет, я сам принял решение и поехал сдавать документы в Хабаровское медицинское училище, которое находилось не слишком далеко от нас на Казачьей горе. Принимавшая документы женщина спросила меня, зачем я иду в училище: «Ты же из хорошей семьи, пойдешь после школы в институт. А здесь готовят фельдшеров, которые будут работать в таёжных здравпунктах». Математичка из моей школы приходила к родителям, чтобы уговорить их не отдавать меня в медучилище, чтобы «не загубить» во мне будущего математика (я у неё бы на хорошем счету и даже раз участвовал в краевой олимпиаде). В 1960 году беззаветный борец за мир Никита Сергеевич Хрущёв «сократил» на миллион с лишним численность армии, отца демобилизовали, и мы вернулись в Ленинград. Здесь не было фельдшерских училищ, а в медицинских училищах готовили только медсестёр и фельдшеров-лаборантов. Где-то брали только девочек, где-то не хотели засчитывать один год, который я уже отучился в Хабаровске. Приняли во 2-е Ленинградское медицинское училище, находившееся при больни-

це им. Карла Маркса у моста Свободы (ныне Сампсониевский), по диагонали через Неву от Нахимовского училища и революционного крейсера «Аврора». Сейчас на этом месте большой жилой дом с башенкой и шпилем наверху. В училище были хорошие преподаватели, многие из них преподавали в I Ленинградском медицинском институте им. акад. И. П. Павлова, базой которого была больница, или в расположенной рядом Военно-медицинской академии. У училища была своя история: до революции в нем располагалась Георгиевская община, бывшая старейшим в России учебным заведением, готовившим сестёр милосердия. В феврале 2011 года меня пригласили на празднование 140-летия 2-го ЛМУ и даже вручили почетный диплом.

Когда наша семья вернулась в Ленинград, в ней было уже трое детей: брат Дмитрий родился в 1957 году в Хабаровске. Я пришел в свой двор, ребята меня сразу узнали и приняли. Они пригласили меня на вечер в 334-ю школу, в которой я учился до отъезда в Хабаровск. Я надел свою единственную нарядную вещь – ярко-зеленый китайский свитер. С друзьями мы вошли в актовый зал – начинались танцы. Но меня сразу прихватили дружинники, привели к завучу: «Стилягу поймали!» На мои объяснения, что в Хабаровске все так ходят, было веско сказано – тут не Хабаровск, а Ленинград, надо одеваться подобающим образом. Я был очень удивлён, так как в Хабаровске каждый второй носил китайские свитера. Других просто не было.

В училище я быстро подружился с ребятами, которых было всего семеро на 120 учащихся на курсе девочек. Ближайшими друзьями были Валерий Яценко, Андрей Егормин, Евгений Струнов, Вячеслав Киселев (эти двое учились в другой группе). У Андрея отец был полковником медицинской службы. Они жили на Таврической улице в коммуналке, в комнате больше 40 квадратных метров с высоким потолком. Мы любили там бывать. В квартире было много книг, сохранилась старинная мебель и атмосфера интеллигентного дома.

В училище я учился с удовольствием, мечтал стать хирургом. С Валерой Яценко, который тоже мечтал стать хирургом

и стал им, мы дежурили по ночам в хирургическом отделении больницы, осваивая профессию. Помню, что преподавательница хирургии говорила нам, что, если мы хотим быть хирургами, нужно учиться вязать швы левой и правой рукой и вообще развивать левую руку. Она посоветовала для этого научиться играть в пинг-понг левой рукой, что я до сих пор умею. Из училищных лет мало что запомнилось. Помнится день, когда полетел в космос Юрий Гагарин, – мы в белых халатах вышли ликовать на улицу. Помнится, как проходили акушерскую практику в роддоме им. Снегирева (Снегирёвке) и как впервые принимал роды – было мне тогда 15 лет... Запомнилось, что Андрей Егормин называл меня «Будак», что означало «будущий академик», но мне было немного обидно. Учили нас очень хорошо, халтурить в учебе было невозможно. Нас научили правильно складывать халаты, делать инъекции, ставить клизмы, делать перевязки и в итоге хорошо натренировали нас в уходе за больными. На 3-м курсе училища я понял, что знаний для поступления в институт маловато, надо подтягивать физику и химию. Поэтому я поступил еще в вечернюю школу – школу рабочей молодежи, как её тогда называли. После занятий в училище я ехал на трамвае через весь город домой на улицу Ткачей, а затем бежал в ШРМ № 4, которая была на проспекте Дудко рядом с проходной Пролетарского завода.

После 2-го курса медицинского училища я поехал на каникулы в Курск со своим двоюродным братом Сашей Бажу-

тиным, который тогда учился в Ленинграде в «Корабелке» – знаменитом Корабле-строительном институте. В Курске жили его родители. Мы пошли в городской парк гулять и были при модных тогда галстуках-шнурках. И нас там «замели» дружинники с тем же обвинением в стиляжничестве! И то, что мы из Ленинграда, и даже на значке, через который продевались ужасно модные шнурки, был изображен кораблик со шпиля Адмиралтейства, не успокоило дружинников. «А еще студенты, комсомольцы – и такие стиляги!» – клеймили нас курские блюстители идеологической чистоты.

Поступление в институт

Училище я окончил с красным дипломом, то есть с отличием, что давало право сразу, без трёхлетней отработки, поступать в институт. Шёл 1962 год. Я успешно, на пятерки, сдал все вступительные экзамены в I Ленинградский медицинский институт им. акад. И. П. Павлова (I ЛМИ), где в предвоенный год училась моя мама. Даже сочинение написал на пять. Темой я взял «Почему я выбираю профессию врача». Нужно сказать, что как раз незадолго до вступительных экзаменов у нас в училище была государственная практика, которую я проходил в медсанчасти завода «Большевик». Заведовал отделением известный в городе хирург Брейдо. Он иногда брал меня на операции в качестве не медсестры, а ассистента – стоять «на крючках» – и объяснял мне

ход некоторых операций. И вот как-то я ассистировал Брей-до в операции аппендэктомии у очень симпатичной девушки, которую я же готовил к операции. Короче, когда я пришел писать сочинение в мединститут, то первым человеком, с которым я столкнулся в вестибюле 7-й аудитории, была эта девушка, которая тут же сбежала от меня. Так я и не знаю, поступила ли она. Но у меня не было сомнений в выборе темы сочинения, которое я начал с описания этой истории. Наверное, проверявшие мои каракули преподаватели проявили снисхождение к возможным ошибкам – уж больно красивую историю я им описал.

1962 г. Студент 1-го курса
Ленинградского медицинского

Мои друзья по училищу не могли поступать в институт сразу после окончания медучилища – нужно было отработать по распределению три года, и им пришлось отслужить в армии. Валерий поступил в медицинский институт, когда служил последний год в Чите. Остальные уже после армии поступили на дефектологический факультет Педагогического института им. Герцена в Ленинграде. Андрей Егормин освоил массаж, работает и преподаёт в интернате для слабовидящих детей. Валерий Яценко стал хорошим хирургом-травматологом, заведовал отделением в больнице в Сестрорецке, задумывался о диссертации. Его пригласили в Институт травматологии им. Вредена, откуда его направили на два года поработать в госпитале в Йемене, где он заведовал травматологическим отделением. В компартии Йемена были кланы, которые воевали между собой. За три месяца до отъезда Валеру убили во время подводной охоты. Говорили, что это в «благодарность» за то, что он слишком удачно прооперировал кого-то из враждующего клана...

Экзамен по химии сдавали в длинном, как коридор, зале, где по одну сторону сидели преподаватели, по другую – поступающие. Среди экзаменаторов была очень хорошенькая молоденькая преподавательница. Один из абитуриентов не мог взора отвести от её замечательных коленок, заставляя её очень нервничать. Потом она его вызвала, отнеслась снисходительно, поставила тройку. Я сдавал экзамен тоже ей и

получил пятерку. Вместе со мной сдавал экзамен какой-то абитуриент и довольно сильно «плавал». Профессор Максимук, принимавший экзамены, уже собирался поставить ему «неуд», когда парень, которому кто-то рассказал, что тот очень любит анекдоты, говорит: «Профессор, вы уже устали. Двойку вы мне успеете поставить. Хотите, я вам анекдот расскажу?» И рассказал несколько. Максимук, увидев на экзаменационном листе фотографию в военной форме, понял, что тот после армии, и спросил: «Тройки хватит?» Услышав утвердительный ответ, закончил: «Анекдоты ты рассказывать умеешь, а химию ты у меня выучишь». В свое время этот профессор был главным химиком Тихоокеанского флота. С ним была ещё такая история: когда после первого семестра мы сдавали химию, студент В. Богданов, отвечавший передо мной, очень «плавал» (вопрос был про окислы углерода). Профессор уже открыл зачётку, собираясь поставить «неуд», но, увидев на фотографии Володю в морской форме и выяснив, что тот служил на том же Тихоокеанском флоте, задал последний вопрос: «Ты хоть формулу газированной воды можешь написать?» Богданов растерянно уточнил: «Вам с сиропом или без?» Ответ был оценен на пятёрку...

Физика была для меня последним экзаменом. Когда я пришел на экзамен, то ещё не знал отметку за сочинение. Вытянул билет, в котором был вопрос – почему луч света в призме отклоняется к основанию. Помню, что изложил какие-то свои рассуждения, на что преподаватель (универси-

тетский) рассмеялся и сказал: «Вы поступили в институт».

В вестибюле института вывесили списки зачисленных на 1-й курс. Посмотрел списки на букву «А» – своей фамилии не нашел. Расстроился. Оказалось, что сначала в списках шли «стажники», потом школьники после 10-го класса, только потом те, кто после училища. Далее висели списки по группам. Стали знакомиться, записывать домашние телефоны (у кого были), и Олег Пайкин сказал: «А мой телефон не нужно записывать, его все и так запомнят: бутылка и пирожок (то есть В2–87–06, а именно: водка стоимостью 2 руб. 87 коп. и пирожок – 6 коп.).»

Группа была очень интересная, но довольно «невезучая». Сергей Павлов – 34 года. До этого окончил Горный техникум, работал мастером на шахте, заработал бронхиальную астму. Решил стать врачом, чтобы лечить у шахтёров астму и силикоз. На 6-м курсе умер во время приступа астмы. Второй по возрасту была Ада Ворчакова – 32 года. Мы звали ее «мама Ада» – добрая, полная, отработала уже лет десять акушеркой. Олег Пайкин до медицинского института окончил Военный институт физкультуры. В 1961 году его демобилизовали в звании капитана. Он единственный из группы жил в отдельной квартире на улице Скороходова в доме № 18 с родителями и сестрой. У его отца, Залмана Пайкина, в прошлом полковника-танкиста, было огромное количество наград. Олег говорил, что он даже был представлен к Звезде Героя Советского Союза, так как его танковая часть

прорывала блокаду Ленинграда, но был награжден одним из первых орденом Кутузова. Олег служил в авиационной дивизии, у него были первые спортивные разряды и звание кандидата в мастера по нескольким видам спорта. После демобилизации он пришел работать тренером в I Мединститут и затем решил стать спортивным врачом. Красавец чеченец Резван Ибрагимов поступил в институт, отслужив в воздушно-десантных войсках, был очень хорошим товарищем, мечтал стать хирургом и стал им. Работал хирургом в Грозненском госпитале и во время чеченской войны был убит снайпером вместе с операционной сестрой, когда они вышли на крыльцо покурить после операции. Резван оперировал всех – и русских, и чеченцев. Этого ему и не простили боевики, как об этом случае писала «Комсомольская правда». Володя Богданов, который уже упоминался, на каникулах после 1-го курса на Алтае заболел энцефалитом, отстал на год. Сейчас заведует отделением физиотерапии в 31-й городской больнице (Свердловке). Слава Зудин был из Ухты. В конце 3-го курса у него выявили туберкулёз, пришлось лечиться, и он отстал от нас на год. Стал хирургом. Наташа Забежинская, Элла Брускина и Людмила Антоневиц были медсестрами со стажем. Голос Эллы был знаком каждому юному ленинградцу – она вела на ленинградском радио передачу «Пионерская зорька». Василий Кушпела, украинец, был военным фельдшером после училища на Украине; женатый, лет 28, очень солидный. Умер на 1-м курсе – у него была аневризма мозга.

Ему на экзамене стало плохо, он сел рядом с девчонками на стул – и всё... Борис Друян – фельдшер из Риги, был старше меня года на три. Он был женат, с 1-го курса подрабатывал на кафедре анатомии лаборантом, со 2-го курса занялся наукой – ездил на Каменный остров в Институт онкологии, где вводил пилюли с канцерогеном крысам для индукции у них опухолей семенных пузырьков. Борис защитил кандидатскую диссертацию и ушел потом в практическую урологию, работал в Сестрорецкой больнице. В начале 70-х годов прошлого века уехал в Израиль, был военным врачом во время арабско-израильской «шестидневной» войны, затем переехал в Германию, где стал одним из ведущих андрологов страны – лечил мужское бесплодие. К сожалению, неумолимое время (я пишу эти строки спустя 50 лет после поступления в I Мед) сократило практически до минимума список моей первой учебной группы.

Когда в декабре 1962 года мне исполнилось 17 лет, товарищи по группе подарили мне бутылку молока с надетой на нее соской. Они называли меня «пионерчиком». Конечно, я был много младше всех. Зато учился лучше и помогал, как мог, старшим товарищам.

Олег Пайкин и Резван Ибрагимов приобщили меня к спорту. Олег как-то объявил о создании в институте секции гандбола. В те годы на стоматологическом факультете училось много студентов из ГДР. В Германии гандбол был очень популярен, и немецкие студенты попросили организо-

вать спортивную секцию. Пригласили хорошего тренера, рядом со зданием кафедры физической культуры оборудовали площадку и объявили запись в секцию. Резван играл в ручной мяч в армии и сразу записался сам и привел в секцию меня и Славу Зудина. Игра мне понравилась, занятия в секции были интересными и интенсивными. Институтская сборная команда, куда меня сравнительно быстро включили, успешно выступала в первенстве вузов Ленинграда и уже через год вошла в число лидеров, занимая на протяжении нескольких лет призовые места.

Благодаря регулярным тренировкам и участию в соревнованиях по гандболу, я физически окреп и с удовольствием участвовал в многочисленных институтских кроссах, лыжных состязаниях. Среди сокурсников было довольно много спортсменов, имевших высокие спортивные разряды, – кандидатов и мастеров спорта, некоторые даже входили в сборные команды страны по разным видам спорта.

Во время зимних каникул после первой успешно сданной сессии я поехал в спортлагерь на Карельском перешейке, начальниками которого были О. Пайкин и В. Гуреев – член сборной страны по пятиборью. В лагере было человек 20 студентов 1-го и 2-го курсов, занимавшихся в разных спортивных секциях. Мы жили в двух снятых финских домиках на довольно крутом берегу заснеженного озера, спрятавшегося в прекрасных сосновых лесах Карелии. Каждое утро мы начинали с умывания по пояс в незамерзающем ключе. По-

сле завтрака становились на лыжи и под руководством Олега пробегали 15–20 км по лесам. После обеда катались на лыжах с горок и даже прыгали с небольшого трамплина, который сами и оборудовали. После ужина пели песни под гитару, танцевали под музыку, которую ловили по приемнику «Спидола». Каникулы пролетели стремительно...

Первая целина

Вскоре после начала весеннего семестра 1963 года нам объявили, что формируется студенческий строительный отряд, который будет строить птицефабрику в совхозе «Ленинградский» Ленин-градского района Кокчетавской области в Казахстане. Тех, кто поедет на целину, не пошлют в сентябре «на картошку» – в пригородный совхоз убирать урожай. Конечно же, целина манила романтикой и новым невиданным делом – до этого на целину студенты ездили лишь убирать урожай. Записывали студентов 1-го и 2-го курсов. Из нашей учебной группы записались в стройотряд Люся Антонович и я. Незадолго до отъезда прислали разнарядку еще на один отряд. Но добровольцев уже почти не осталось – все, кто хотел, уже записались. И тогда комитет комсомола и деканат стали насильно «загонять» в отряд, кого страшая карами, кого уговаривали, давя на комсомольскую сознательность. Сборы были недолгими.

Провожать меня пришли мама с папой. Я ужасно стеснял-

ся – мол, не маленький, было мне уже целых 17 лет! Люську Антоневи́ч провожал какой-то парень, с которым она долго целовалась перед отходом поезда. Ехали трое суток в плацкартных вагонах в три полки, с песнями под гитару и баян, на котором виртуозно играл Игорь Прокопец. В нашем эшелоне ехали два отряда I ЛМИ по 50–60 человек, занимавшие два вагона, остальные вагоны длиннющего состава занимали отряды, которые были сформированы в ЛЭТИ – Ленинградском электротехническом институте им. В. И. Ульянова (Ленина). ЛЭТИ был нашим соседом – он располагался напротив нашего института через речку Карповку за Ботаническим садом. На второй день пути к нам в отряд пришло «начальство» – районный штаб. Комиссар районного отряда Геннадий Медведев обратился к медикам с неожиданным вопросом – есть ли среди бойцов отряда окончившие медицинское училище и имеющие диплом фельдшера или медсестры. Поскольку опыта поездок на целину ни у кого еще не было, в процессе подготовки забыли, что ни в одном из отрядов не было врачей. Выяснилось это только в поезде. В двух отрядах I ЛМИ нашлись пять девушек и один юноша (это был я) с дипломами медсестёр. Добровольно никто не хотел ехать с чужим институтом. Девушки стали тянуть жребий, так как меня сразу оставили в своём отряде. Нечего парней отдавать, когда девиц избыток. Короткую спичку вытянула Алла Дворкина, которая стала врачом первого отряда; не помню, кто был во втором. Люська Антоневи́ч со слеза-

ми вернулась из вагона, где ехал отряд ЛЭТИ, который достался ей и с которым она пошла знакомиться. «Вовка, они все такие противные», – канючила Люська, еще не зная, что вытянула она не просто жребий, а судьбу: после целины она вышла замуж за лэтишника Германа Коропальцева.

Наконец, поезд остановился в степи у какой-то будки, на которой было написано «Станция Даут». Эшелон разгрузился прямо в степи. Нас ждали грузовики, мы сели на лавки в открытых кузовах и разъехались в разные стороны. 1-й студенческий строительный отряд I ЛМИ привезли в совхоз «Ленинградский». Поселили нас в каком-то глинобитном сарае, где прямо на земляном полу стояли койки, заправленные по-солдатски. Командиром отряда был второкурсник Иван Савченко. Нас всех разделили на бригады. Началась работа. Сначала вручную рыли траншеи под фундаменты, потом заливали бетоном, который делали на небольших растворемешалках. Их мы таскали вдоль траншей и прямо из них раствор заливали в траншеи, накинув слой камней. Затем сделали цоколь и стали выкладывать стены из дикого камня, который привозили на самосвалах за 15–20 км из каменоломен. Никто не умел обращаться с камнем. Приехал районный мастер – старшекурсник ЛИСИ (Ленинградского инженерно-строительного института) – и показал, как нужно подбирать камень, чтобы стены были более-менее ровными и не разваливались. Мы быстро осваивали премудрости профессии каменщика и уже недели через две-три выкладывали

по одному кубометру кладки. Приехал мастер, похвалил нас, прочел лекцию по технике безопасности и даже вручил удостоверения каменщиков 2-го разряда. Удивительно, но оно сохранилось у меня до сих пор!

Недалеко от нашего объекта что-то строила бригада «шабашников» из Армении. Армяне – замечательные мастера-каменщики. Их бригадир как-то окликнул нас:

– Эй, студенты! Хотите, научу, как работать с камнем?

Мы подошли.

– Ставим по отвесу деревянный щит, укрепляем его распорками – из ровного камня складываем наружную часть стены, – объяснял бригадир, – а к щиту кидаем весь плохой камень и побольше раствора. Не забывайте про перевязку, чтобы стена не развалилась, – вот и вся мудрость! И создайте звенья – не работайте каждый сам по себе.

– Смотрите! – пожилой мастер подошёл к стене: два помощника клали камень, причем один подбирал камни и укладывал его в лицевую сторону, другой – бросал камень к щиту, два других молодых парня непрерывно подтаскивали раствор и набрасывали его на стену. Мастер с сигаретой в одной руке другой рукой в рукавице ровнял немного вылезшие камни, рейкой измерял её толщину от щита, и – чудо! – стена росла просто на глазах.

Урок был усвоен – мы быстро сколотили щиты и стали выкладывать не по одному кубометру кладки в день, а по три-четыре! Работали мы много, но и отдыхали. Играли в фут-

бол, волейбол, настольный теннис. Помню, мои однокурсники Сергей Кетлинский (член-корреспондент РАМН и заместитель директора по науке одного из известных в городе НИИ) и Аркадий Каганский (ныне районный онколог) решили играть на интерес: проигравший должен быть немедленно наголо острижен. У Сергея был высокий 1-й спортивный разряд по настольному теннису, Аркаша был просто любителем, но оказал ему упорнейшее сопротивление. Долгое время решающая партия шла «очко в очко», и судьба знаменитой седой прядки на лбу Кетлинского была под большой угрозой. Все-таки победил Сергей. Аркадия тут же постригли машинкой под ноль.

Вечерами часто пели под баян. Игорь Прокопец замечательно пел и играл. Пели всё подряд – в основном народные песни и романсы, которые многие хорошо знали. Однажды вечером в отряд приехали геологи – попросились на ночлег. Они искали в степи воду, бурили скважины по всей округе. Геологи ошеломили нас песнями под гитару, которых мы раньше не слышали:

На тундре у нас ледоход-ледолом,
по мерзлой земле мы идем за теплом.
За белым металлом, за синим углем,
За синим углем, не за длинным рублем...

Потрясла «Бригантина»:

Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимала паруса...

Когда запели «Над Петроградской твоей стороной вьется вечерний снежок...», вспомнился далекий Ленинград, сладко защемило сердце и захотелось домой. От геологов мы впервые слышали имена Городницкого, Кукина, Кима, Высоцкого и других, на долгие годы ставших нашими кумирами. Мы тут же записали тексты потрясших нас песен. И уже никто не пел песни «радио и кино», как мы их называли. А появившуюся в тот год популярную комсомольскую песню с правильными словами: «У студентов есть своя планета. Это, это – целина!» если и вспоминали, то неизменно ёрничая.

Удивительное дело, в нашем отряде никто не знал «самодельных» песен (потом их называли бардовскими). Когда к нам привезли несколько человек из разогнанного за систематические нарушения «сухого закона» 2-го отряда I ЛМИ, они сказали, что у них в отряде эти песни хорошо знают и поют и даже сложили свои песни. Особенно популярна была песня о целине на мелодию «Ванинского порта». Слова написали мои однокурсники, среди которых был Валерий Окулов, с которым нас уже после окончания института на долгие годы связала совместная работа и крепкая дружба.

Вот эта замечательная песня.

Всё было бы просто втерпёж,
Когда б я не знал Казахстана,
Когда бы она – целина —
Была б нереальностью плана.
Но подали нам паровоз,
Партийные речи полились.
И было обидно до слёз,
Как мы добровольно садились.
Нам радость свою не сдержать —
В вагон бесплацкартный мы сели,
Как будто бы нас повезли
Всего на четыре недели.
Но нет, не пройдёт этот финт —
Три месяца будем трудиться,
А если который сбежит,
Придётся ему поплатиться.
Исключит его комсомол,
Исключат его с института,
Что легкой дорожкой пошёл,
Не выдержал трудностей тут.
Давайте ж трудиться, друзья,
Давайте спешить к коммунизму.
Физически просто нельзя
Всю жизнь проторчать в социализме.
Уборной обидел нас бог.
И вслед комбайнёры кричали —
Неужто подальше не мог,
И так весь комбайн... разобрали.
С работы идём не спеша,

В палатке и пыльно, и жарко,
На ужин всё та же лапша
С украинским матом кухарки.
Будь проклята ты, целина,
Занёс тебя чёрт на планету.
Сойдёшь поневоле с ума.
Отсюда возврата уж нету!

В один из последних дней нашего пребывания на целине кто-то неудачно упал и вывихнул руку в плечевом суставе. Бедолагу зачем-то положили на деревянный щит и понесли с объекта через весь поселок в распоряжение отряда. Собрался «консилиум». Советов было множество, но отрядный врач Алла Дворкина решительно пресекла дискуссии и сказала, что право решать, каким методом вправлять вывих, имеют только дипломированные специалисты, то есть она сама. Я заявил, что хотя не работал фельдшером после медучилища, но учился хорошо и помню, как надо вправлять вывих по Кохеру. Имя Кохера произвело впечатление на руководство отряда, и мы с Аллой сначала отрепетировали процедуру на добровольце, а затем я с первого раза успешно вправил плечо, заслужив от коллег, обступивших стол, на котором лежал пациент, возгласы одобрения, а от него самого достаточно крепкое словцо.

– Дай-ка я проверю, правильно ли вправлена рука, – подошел к столу кто-то из штаба, взял за руку несчастного, немного потянул и – о ужас! – вывихнул плечо снова, заслу-

жив уже не одно крепкое слово из богатого лексикой родного языка. Пришлось вправлять руку снова, затем зафиксировать руку простыней и сделать инъекцию чего-то обезболивающего – наверное, пантопона.

И вот снова в степи стоит эшелон, к которому со всех сторон съезжаются в открытых грузовиках студенческие отряды. Загорелая, с выгоревшими светлыми волосами, с облупившимся носом, необыкновенно красивая Люська Антонец чуть не сбивает меня с ног, обнимает и целует.

– Вовка, как я соскучилась!

Сзади стоит какой-то парниша и мрачно смотрит на эту сцену.

– Познакомься, Володя! Это – Герман. Герман – это Володя Анисимов, «пионерчик», я тебе о нем рассказывала, – знакомит Люся меня со своим будущим мужем, с которым мы на долгие годы стали добрыми друзьями. Собственно, с Германа Коропальцева у меня началась дружба с лэтишниками. Элла Брускина – ближайшая подруга Люси – вышла замуж за ближайшего друга Германа – Григория Черницкого, через них мы познакомились с Володей Сивковым, удивительно музыкально одаренным парнем, игравшим на гитаре и трубе, прекрасно певшим и знавшим множество песен. Их друг Лёнечка Осиновский тоже прекрасно пел и играл на гитаре. С Володей они состояли в хоре ЛЭТИ, слава которого гремела в Ленинграде.

Целина-1964

Чем занять лето после 2-го курса, у меня раздумий не было: конечно, ехать на целину. В комитете комсомола, где шла запись в ССО (студенческие строительные отряды), висело объявление: в ССО других вузов города требуются отрядные врачи, годятся студенты младших курсов, имеющие дипломы медсестры или фельдшера. Когда я подал заявление, то в анкете указал, что имею среднее медицинское образование. Мне предложили поехать отрядным врачом с каким-либо отрядом Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. Я приехал в комитет комсомола Политеха, нашел штаб ССО, где меня познакомили с командиром ССО физико-механического факультета ЛПИ. Так я во второй раз поехал на целину, но на этот раз не со своим институтом.

В поезде познакомился с новыми товарищами. Хорошо пели, но песни были другие, которых не пели мои друзья-медики и лэтишники. Привезли нас в голую степь, где стояло несколько больших, на 20 человек, палаток, которые успели установить приехавшие несколькими днями раньше квартирьеры. Где-то в километре от нашего палаточного лагеря виднелся казахский поселок. Было жарко. Первоочередной моей задачей было обеспечить отряд питьевой водой. Местный бригадир-казах подвел меня к трактористу, к колесной «Беларуси» которого была прицеплена цистерна с насосом.

– Вот, доктор, поезжай с Мишей в посёлок, там колодец хороший, наберешь воды.

Подъезжая к колодцу, я стал свидетелем потрясшей мое медицинское сердце картины: на телеге, запряженной неопрятной лошадкой, к колодцу лихо подкатил казах в лохматой шапке, снял с телеги ведро, сбил со дна комок грязи или навоза, привязал к ручке навозную веревку и забросил ведро в колодец. Набрав воды, он отпил из ведра, отвязал веревку, остальное вылил в какой-то жбан и лихо укатил, разогнав стадо гусей.

– Миша, – обратился я к трактористу, – здесь мы воду брать не будем. Нет ли поблизости другого колодца?

Миша сказал, что в трёх километрах за прудом находится пионерский лагерь, где есть чистый колодец. Приехали в лагерь. Начальник лагеря объяснил мне, что дебет колодца невелик и воды едва хватает для нужд пионерлагеря. Видя мое разочарование, он рассказал, что есть недалеко старый заброшенный колодец, в нем была хорошая вода, но его нужно почистить. Колодец был с крышкой и воротом, но бревенчатые стены его были темны и склизки. Миша откачал насосом всю воду из колодца, я спустился в него на старой цепи, выгреб со дна весь мусор и скопившуюся грязь, которую в ведрах вытаскивал наверх Миша. Дно мы засыпали чистым песком, благо его было много поблизости, навесил на крышку замок, который одолжил мне начальник лагеря, и запер его на ключ. Он разрешил нам набрать немного во-

ды из действующего колодца. Вечером мы с Мишей снова поехали в пионерлагерь, открыли колодец, который уже заполнился водой, откачали всю воду, я бросил на дно горсть таблеток с дезинфицирующим составом для питьевой воды, которыми нас снабдили еще в Ленинграде. Наутро воду уже можно было пить. Я передал ключ от колодца Мише, и он снабжал нас отличной питьевой водой – ни одного случая гепатита или кишечной инфекции в отряде не было.

Строили мы рядом с казахским поселком ферму – два коровника из бутового камня. Политехи не имели опыта работы с камнем, который я приобрел на своей первой целине. «Давайте сделаем щиты для кладки, нас армяне научили», – сказал я командиру и мастеру отряда. «Мы это обсудим на заседании штаба», – сказали мне, но на заседание не пригласили. По правилам ССО врач был членом штаба, куда входили также командир, комиссар, мастер и завхоз. Но мне объяснили, что все члены штаба являются членами КПСС, и они представляют собой партячейку, и заседания штаба – это заседания партячейки, куда не членов партии могут приглашать лишь при особой надобности. Я удивился, но не стал спорить: «В каждой избушке – свои погремушки». У меня была своя небольшая «медицинская» палатка, где я оказывал помощь нуждавшимся в ней товарищам по отряду. Отрядный врач мог не работать в бригадах на строительстве, как и бывало во многих отрядах. Однако мне сидение без дела, поскольку собственно медицинской работы было немно-

го, не нравилось, и я работал в одной из бригад наравне со всеми. Решение штаба было такое: сделаешь один щит, тогда посмотрим, как пойдет с ним у тебя работа. На следующий день, когда наша бригада, используя два щита, существенно перевыполнила норму по кубатуре кладки, партиячейка одобрила мою инициативу. Уже из других бригад приходили «перенимать передовой опыт», в который раз свидетельствуя о направляющей и руководящей роли партии в строительстве светлого будущего для казахских коров.

Нужно сказать, что мое решение проблемы с питьевой водой было довольно удачным. В отряде никто не болел, чего нельзя было сказать о жителях казахского поселка. В течение месяца, который мы провели, строя коровники в этом месте, несколько раз за мной приезжали из деревни, чтобы я осмотрел заболевших детей, взрослых и стариков. Обычно это были кишечные инфекции, простуды, пневмонии, отиты. Я оказывал помощь, назначал лечение, давал лекарства из своих запасов, направлял, когда требовалось, больных в районную больницу. После визита каждый раз хозяин дома предлагал рюмку водки или кумыса. Отказаться было нельзя – обидишь. Водки я не пил и даже к тому времени еще и не пробовал, да и не хотелось – жара стояла страшная. А кумыс был холодным, его доставали из-под пола, наливали в большую пиалу. Я быстро привык к этому замечательному и несколько хмельному (как пиво) напитку из кобыльего молока и с удовольствием его пил.

Однажды завхоз отряда разбитной парень Витька Ицкович сказал мне, что приглашает меня и ещё нескольких его друзей на «пикничок». Мы сели в штабного «козлика», за рулем которого был сам завхоз, проехали плотину у пруда за казахским поселком, проехали пионерский лагерь и остановились у нескольких чахлых кустов, громко называемых рощей. Расстелили на пожухлой травке солдатское одеяло, открыли консервные банки с килькой и сайрой, нарезали огурцы и хлеб, Витька торжественно извлек из огромного портфеля две бутылки сухого белого вина «Біле міцне». Разлили по кружкам первую бутылку, выпили, закусили. Когда Витя взялся за вторую, произошло непонятное: дно бутылки осталось на одеяле и все вино образовало небольшую лужицу, на которую мы с некоторым изумлением уставились. Первым не растерялся, конечно, завхоз: он схватил ложку и стал быстро набирать вино в свою кружку. Кто-то также ложкой стал быстро набирать вино и пить его, минуя стадию его сбора в кружку, что ускорило дело. Но ложки было всего две, и третий мой собутыльник припал к своему краю лужицы вина и стал по-собачьи лакать его. Не поверите, но на ворсистом одеяле даже мокрого пятна не осталось – так быстро и находчиво справились мои товарищи с возникшей проблемой.

Через несколько дней мы завершили строительство коровников, оставалось сделать стропила и крышу, и основная часть отряда должна была переехать в другое отделение того же совхоза. Мне нужно было отдать начальнику пионер-

лагеря ключи и замок от колодца. Мы поехали на «Беларуси» с прицепленной цистерной. Шел дождь. Дорога шла по импровизированной плотине, подпиравшей ручей, образовав довольно большой пруд, в котором мы даже иногда купались, несмотря на то, что из него пили коровы и лошади и он зеленел местами. Плотина была довольно высокой – метров 15–20. Неожиданно на середине пути через плотину передние малые колеса «Беларуси» соскользнули по раскисшей глине, и трактор стал медленно сползать под уклон на большие камни, лежавшие у основания плотины. «Прыгай, доктор!» – закричал Мишка, выключив зажигание и сиганув с трактора. Я последовал за ним, и освобожденный от седоков трактор вместе с цистерной перевернулся и рухнул к основанию плотины на камни. Мы взобрались на дорогу по скользкому глинистому телу плотины и пошли в свой палаточный лагерь, хохоча во все горло.

– Слушай, командир, – сказал Миша, когда мы предстали перед ним мокрые от дождя и заляпанные грязью, – доктор у вас счастливый – успел спрыгнуть с трактора, хоть и справа от меня сидел.

На следующий день мы переехали на другой объект километров за 30–40 от первого места. На этот раз никакого посёлка и водоёма рядом не было. На все четыре стороны до горизонта была ровная, как стол, степь. Мы поставили палатки и начали строить кошары для овец. Дело шло быстро, так как конструкция кошар была довольно проста: две

параллельные стены высотой до полутора метров на низком цоколе с расстоянием метров 10–15 между ними образовывали П-образное строение. По центру каждой из трех сторон кошары ставились в ряд деревянные столбы, на стены клали лаги, к столбам и лагам крепили стропила и делали крытую шифером кровлю. На этих объектах «армянским» щитам просто цены не было. Наша бригада за день выкладывала по три-четыре кубометра кладки на брата, неизменно опережая в «социалистическом соревновании» другие бригады, о чем ежедневно можно было прочесть в «Боевом листке», аккуратно выпускавшемся комиссаром отряда.

Как-то мимо строящихся кошар – только стены были возведены – пастухи гнали стадо овец. Какой-то барашек легкомысленно отбилсЯ от стада и решил посмотреть, как идёт строительство его будущего дома. Это была его роковая ошибка. Витька Ицкович, убедившись, что пастух не заметил отсутствия любознательного барашка, взял кувалду и, когда несчастный зашел за стенку, скрывавшую его полностью, недолго думая ударил бедолагу в лоб. Тот, конечно, такого приёма не ожидал и – видимо, от огорчения – испустил дух, немного подпрыгав ногами. Нечего и говорить, что на ужин у нас был роскошный плов вместо опостылевшей сиреневой «шрапнели» (перловки).

Строительство кошар быстро продвигалось. Рядом – примерно в метрах пятистах от них – стояли длиннющие стога с сеном. В один из вечеров мой товарищ по бригаде Алек-

сандр Бегун таинственным голосом предложил мне и еще одному парню пройтись к стогам. Стояла роскошная южная ночь. Звезды были размером с блюдце, все созвездия были как на ладони. Я привез с собой атлас звездного неба и часто вечерами уходил в степь подальше от электрических огней. При свете луны, которая огромной красной дыней лежала на краю степи, я изучал по атласу звезды, отыскивая созвездия Ориона, Рыб, Кассиопеи, повторяя про себя волшебные названия звезд – Альдебаран, Бельтегейзе, Сириус, Вега, наслаждался видом Млечного Пути. Там, я точно знал, есть туманность Андромеды, где живут наши товарищи по разуму. Саша достал банку килек, хлеб и бутылку «Водкасы Москвасы» (водки «Московской»), разлил по кружкам. Так я первый раз выпил водки. Млечный Путь быстро расплылся, созвездия стали быстро смещаться по небесной сфере. Я проснулся утром от холода, лежа у подножия стога, прикрытый своим ватником и сеном. Рядом ворочались оба моих собутельника. «Ну и мерзость эта казахская водка, – сказал Саша, демонстрируя отвращение к суррогату местного производства, – не то что наша, питерская!» Мы с ним легко согласились.

В середине августа ко мне, как и ко многим отрядным врачам, местные медики обратились с просьбой помочь в осмотрах детей перед школой. Меня поразило обилие детей с немецкими именами – Ганс, Фриц, даже Адольф – в поселках, где жили преимущественно переселенные с Волги нем-

цы. Они сохранили не только свои имена, но и в значительной мере свою культуру. Приехав в немецкий поселок, мы всегда поражались чистоте, аккуратно побеленным и подвязанным деревьям, вымощенным кирпичом или камнем дорожкам от ворот к крыльцу. В домах у немцев на окнах висели занавески, стояли в горшках цветы, чистыми были туалеты. Как будто и жили они не в России почти четверть тысячелетия, привезенные еще Екатериной. Каким контрастом к ним выглядели русские и особенно казахские поселки...

Дело шло к отъезду – приближался сентябрь. Нам сказали, что студенты ленинградских вузов будут брошены на уборку урожая в пригородные совхозы, а нас обком комсомола просит продлить на весь сентябрь наше пребывание на целине. Кроме того, учить нас будет некому – преподаватели мобилизованы вместе со студентами, а «планета Целина» ждет наших трудовых подвигов. Все единодушно проголосовали за то, чтобы порадовать Родину новыми объектами, и приняли обязательство ударно построить еще третью кошару. В сентябре уже по ночам были заморозки, вода в умывальниках стала замерзать. Дежурные наливали по утрам в них подогретую воду. Нам привезли по второму одеялу, но многие спали одетыми – так было холодно. Тем не менее еще одну кошару мы построили. Накануне отъезда дирекция совхоза прислала нам двух баранов, два мешка муки, два ящика водки и двух женщин, которые приготовили нам настоящий бешбармак. До сих пор помню резко пахнущие куски жир-

ной баранины, крупную плоскую лапшу и сивушный запах «водкасы».

Утром пришли грузовики. Мы вернулись в Ленинград. Перед отъездом состоялось заседание штаба отряда, куда впервые пригласили меня. Комиссар торжественно объявил, что как лучшего каменщика отряда меня партячейка представила к награждению Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Комиссара представили к награждению медалью «За освоение целинных земель». Вообще-то, сказал мне комиссар, отряду обещали две медали, и единственным кандидатом на вторую медаль был я. Но потом почему-то дали только одну медаль. Конечно же, партячейка не могла отдать её студенту другого вуза, хоть и такому замечательному, как их доктор, поскольку медали учитывали в соцсоревновании между отрядами и факультетами славного Ленинградского политехнического института имени Всероссийского старосты М. И. Калинина. Грамота ЦК комсомола – гораздо более почетная награда, чем медаль, убеждал меня будущий медаленосец. Я не спорил: грамота так грамота, и на том спасибо. Отряд был славный, песни у политехов были хорошие – я целый блокнот написал, водку они меня пить научили, много не болели, жили весело, работали хорошо. Лето прошло замечательно.

Глава 2. Введение во храм

*Я знаю – всё предрешено.
И в будущем лишь то мы открываем,
Что о себе и мире мы не знаем,
Но было изначально нам дано...*

День первый

Хорошо помню день, когда я впервые пришел в Институт онкологии. Поводом к посещению была заинтересовавшая меня статья «Факелы на пальцах» об эффекте Кирлиан в книжке, изданной «Комсомольской правдой» в научно-популярной серии «Эврика». Супруги Кирлиан обнаружили, что при воздействии полей сверхвысокой частоты биологические объекты излучают некие светящиеся поля, поддающиеся регистрации при фотографировании. При этом характер этого свечения, в том числе его цвет и интенсивность, зависели от функционального состояния того или иного органа или ткани. Особенно меня поразило, что свечение кожных покровов человека было различным в разных участках и распределялось по зонам Гедда, а при заболеваниях существенно изменялось. Был я студентом 3-го курса, и мне при-

шло в голову, что этот метод должен быть эффективным для диагностики рака. Недолго думая я взял книжку со статьей, махнул рукой на лекции и поехал в Институт онкологии, благо располагался он тогда совсем недалеко от I Меда, на Каменном острове. Логично предположив, что с подобным предложением следует обратиться в лабораторию биофизики, я пришел к её заведующему – профессору Павлу Поликарповичу Дикуну, – справки я навёл в регистратуре института. Павел Поликарпович встретил меня хорошо, в свойственной ему манере терпеливо выслушал. Но когда я иссяк, сказал, что его лаборатория занимается выявлением канцерогенов в окружающей человека среде, и, если меня это интересует, он готов, несмотря на то, что я студент-медик, а не биофизик или хотя бы биолог, научить меня этому, поскольку проблема становится все более актуальной. Я вежливо поблагодарил, сказав, что меня все же интересует применение метода Кирлиан в онкологии. «Кажется, этой проблемой интересовался Николай Павлович Напалков», – задумчиво произнес Павел Поликарпович. Вот так я впервые услышал имя человека, встреча с которым круто изменила и определила всю мою последующую жизнь. «А в какой комнате его найти?» Павел Поликарпович объяснил, что лаборатория опухолевых штаммов, которой руководил Николай Павлович, уже переехала в одно из помещений комплекса новых зданий Института, построенных в поселке Песочный, под Ленин-градом. Чтобы туда попасть, нужно было доехать

на трамвае до Финляндского вокзала, затем на электричке Выборгского направления – до платформы Песочная, а там пешком два километра до Института онкологии. Такое препятствие не казалось серьезным – ведь у меня была идея! Я немедленно отправился на ближайшую к Каменному острову станцию Ланская, доехал до Песочной и дошел до Института. Меня поразили огромный клинический корпус, выстроенный в сосновом лесу. В проходной мне сказали, что лаборатория Напалкова находится в здании вивария, – лабораторный корпус еще достраивался.

Нужно сказать, что Институт онкологии, основанный Н. Н. Петровым в 1927 году, первоначально располагался в одном из корпусов больницы Мечникова на Пискаревке, а затем уже получил комплекс зданий на 2-й Березовой аллее Каменного острова. В конце 1950-х годов было принято решение правительства о строительстве для Института новой клинической и экспериментальной базы. Институту предложили на выбор две площадки – одну на Поклонной горе, в конце проспекта Энгельса, что было в то время на самой северной окраине города. Другая площадка находилась еще севернее, в 25 километрах от города, в поселке Песочный, бывшей Графской, принадлежавшем когда-то могущественному фавориту Екатерины Великой графу Шувалову. Тогдашний директор Института, крупный онкогинеколог, действительный член АМН СССР Александр Иванович Серебров, выбрал местом строительства поселок Песочный. Как обе-

щал в те времена Н. С. Хрущев, совсем скоро наступит коммунизм, в каждой семье будет автомобиль (а то и два), по генеральному плану развития города до Песочного проведут метро и до Института будет совсем рукой подать. Кроме того, при посещении ряда онкологических центров в США и странах Западной Европы А. И. Серебров имел возможность убедиться, насколько удобнее и комфортнее для больных располагать такие центры на природе, где свежий воздух и сама обстановка лечат. Злые языки утверждали, что основным аргументом в выборе площадки для строительства Института в Песочном была близость к Репино, где в академическом поселке была дача директора. Так ли это было на самом деле или нет, мы уже никогда не узнаем. Когда в 1975 году Центральный научно-исследовательский рентгенорадиологический институт переехал с улицы Рентгена на Петроградской стороне в пос. Песочный, став нашим соседом, появились планы строительства ещё каких-то трех институтов медицинского профиля, заговорили о создании в Песочном медицинского городка. Была и другая версия. В 60-е годы прошлого века началось строительство новых зданий для Университета и многих НИИ Ленинграда в пригородах. То ли в центре места не хватало, то ли это была злая воля тогдашнего всесильного хозяина города – первого секретаря горкома КПСС Григория Васильевича Романова, ненавидевшего питерскую интеллигенцию и старавшегося «убрать её подальше, с глаз долой». Впрочем, это уже другая история...

Итак, я впервые приехал в Институт онкологии. Обогнув клинический корпус, я увидел пруд, за ним большое четырехэтажное здание лабораторного корпуса, а слева от него – трехэтажный корпус вивария, на третьем этаже которого располагалась нужная мне лаборатория опухолевых штаммов. Была середина ноября 1964 года. Земля была укрыта рано выпавшим снегом, он лежал на ветках сосен, был солнечный день, и все казалось восхитительно прекрасным.

Кабинет заведующего лабораторией занимал угловую комнату и был залит солнцем. Вдоль стен и между окон стояли высокие светлые стеллажи с книгами и банками, в которых находились заспиртованные животные с опухолями или отдельные их органы, пораженные опухолевым процессом. Николай Павлович Напалков сидел за столом в старинном деревянном вращающемся кресле (как я потом узнал – ранее принадлежавшем самому Н. Н. Петрову). Он принял меня очень любезно: расспросил, где и как я учусь, где живу, кто мои родители, что я знаю об опухолях. Несколько озадачили меня его вопросы о моем возрасте и разрешат ли мне родители ездить в Песочный. Мне уже было почти 19 лет, позади было медицинское училище, я был студентом 3-го курса медицинского института, дважды побывавшим на целине в строительных отрядах, и я полагал себя весьма самостоятельным и взрослым человеком. Я уверенно ответил, что, конечно же, разрешат. Думаю, что вопрос Николая Павловича был продиктован моим исключительно юным видом. То-

гда мы жили на улице Ткачей в Невском районе, метро в том районе ещё не было, и дорога от дома до Института занимала более двух часов в одном направлении. «Ну, ты все же заручись их согласием», – сказал Николай Павлович и перешел к вопросу о цели моего визита. Он действительно интересовался эффектом Кирлиан, даже приобрел установку, генерирующую поля СВЧ, дал мне прочесть фотокопии нескольких имевшихся у него публикаций супругов Кирлиан. Затем спросил, знаю ли я, что такое перевиваемые опухоли и что такое противоопухолевые препараты. Видимо, мои ответы были весьма неубедительными, и Николай Павлович дал мне книжку «Модели и методы экспериментальной онкологии»⁸, в которой велел прочесть главу о методах испытаний противоопухолевой активности новых препаратов в опытах на животных. Ещё он сказал, что методом Кирлиан мы займемся позднее, а пока нужно срочно испытать на противоопухолевую активность новый препарат, синтезированный в Химико-фармацевтическом институте. Приехать он мне назначил через неделю, 30 ноября. Я не решился сказать, что в этот день у меня очень важное событие. Окрыленный, я поехал домой – ведь меня не выставили, а пригласили заняться наукой!

⁸ Модели и методы экспериментальной онкологии: практ. пособие / под ред. А. Д. Тимофеевского. М., 1960.

30 ноября 1964 года

Этот день я никогда не забуду по двум причинам. Во-первых, в этот день началась моя научная жизнь. Но началась она во второй половине дня. А с утра я был в Смольном, где состоялось торжественное мероприятие – награждение лучших бойцов студенческих строительных отрядов Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и правительственными наградами. Летом 1964 года я ездил отрядным врачом строительного отряда физико-механического факультета Ленинградского политехнического института на целину в Кокчетавскую область Казахстана. Штаб отряда признал меня лучшим каменщиком и представил к награждению Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Сидим мы с друзьями в историческом зале Смольного, где была провозглашена Советская власть, слушаем речи партийных и комсомольских руководителей. Наконец, речи закончились и начали вызывать по списку награжденных грамотой ЦК комсомола. Мне ждать долго не пришлось – фамилия на «А» в начале списка. И вот мне ужежимают руку и вручают под аплодисменты красивую грамоту. Очень гордый, я возвращаюсь на место и показываю её моим однокурсникам Сергею Кетлинскому и Жене Соболеву, которые ожидали, когда им вручат медали «За освоение целинных земель». Наверное, целых полчаса вручали грамоты, а затем начали вручать медали. Ждать до буквы «К» бы-

ло еще долго, мы о чём-то трепались. Вдруг Сергей толкает меня в бок: «Тебя вызывают!» Из президиума по микрофону повторили: «Так есть здесь Анисимов Владимир из I ЛМИ им. Павлова?» – «Это тебя, иди», – повторил Сергей. Я, недоумевая, пошел по проходу к столу президиума, где мне вручили еще и медаль. Оказалось, что районный штаб представил меня к награждению медалью как лучшего в составе их районного ССО отрядного врача, поскольку у меня в отряде была самая низкая заболеваемость и не было ни одного случая гепатита, «косившего» целые отряды.

Переполненный впечатлениями и нащупывая (не потерял ли?) сквозь сумку коробочку с медалью, я приехал в Институт онкологии. Книгу, которую мне дал Николай Павлович, я прочёл и даже законспектировал. Ожидал, что он начнет меня экзаменовать. Однако Николай Павлович, осведомившись о том, посмотрел ли я книгу, достал из холодильника пузырек с каким-то белым порошком. Сказав, что это тот самый новый препарат, противоопухолевую активность которого нужно будет проверить, он направил меня к своей лаборантке Ларисе Зубовой: «Она покажет, как перевивать опухоль, следить за ее ростом и вводить препарат». Я пошел к Ларисе, которая поинтересовалась, умею ли я делать инъекции. Узнав, что я окончил медицинское училище, она сразу перешла к делу, и в течение двух-трех недель с ее помощью я начал свои первые опыты. Замечу, что участие в испытаниях противоопухолевой активности фармакологи-

ческих препаратов – лучший способ освоить некоторые основные методы экспериментальной онкологии, в частности перевивку опухолей. При этом новичок учится правильно готовить растворы препаратов, вводить их животным, индивидуально метить животных, регистрировать размеры растущих опухолей, получает навыки статистической обработки полученных данных. Поскольку перевиваемые опухоли растут очень быстро, иногда удваиваясь в размерах за несколько дней, каждый опыт длится сравнительно недолго и радость получения первых результатов не откладывается на слишком большой срок. И сейчас, по прошествии почти пятидесяти лет, я с удовольствием поручаю впервые приходящим в лабораторию студентам начинать освоение нашей профессии опытами с перевиваемыми опухолями.

N-N'-малонил-1-бис-этиленимин

Именно так мудроно назывался впервые в жизни мной изученный препарат. Приезжать в Институт приходилось практически каждый день – ведь инъекции мышам нужно было делать строго по протоколу. Здесь не могло быть пропусков и выходных. Лаборатория располагалась в основном коридоре здания вивария, а помещения для лабораторных животных находились в его крыльях. Животных (мышей и крыс) привозили на машине из питомника «Рапполово» АМН СССР, расположенного в нескольких километрах от

поселка Песочный. Никаких ограничений в числе заказываемых животных не было, и моя работа быстро продвигалась. Николай Павлович, встречая меня в коридоре лаборатории, спрашивал, как идут дела, на что я бодро отвечал, что идут хорошо.

В феврале 1965 года Николай Павлович предложил мне оформиться на полставки санитарки. Так появилась первая запись в моей трудовой книжке – санитар лаборатории опухолевых штаммов. Мог ли я тогда представить себе, что когда-нибудь стану заведующим этой лабораторией и буду сидеть в своем кабинете в кресле самого Н. Н. Петрова, перешедшего мне «по наследству» от Н. П. Напалкова?! А тогда в мои обязанности входило в основном мытье полов в лаборатории и отмывание от эмульсии старых рентгеновских пленок. Отмытые и высушенные пленки затем растворяли в ксилоле и добавляли в парафин, в который заливали после выдерживания в спиртах кусочки тканей и опухолей, взятых для исследования у животных. Затем залитые в парафин-целлоидин ткани резали на микротоммах, срезы расправляли на предметном стекле, окрашивали специальными красителями, заливали канадским бальзамом и накрывали покровным стеклом. Получались гистологические препараты, которые затем изучали под микроскопом. Этим тонким и хитрым делом владели лаборанты-гистологи – они занимали большую комнату, находившуюся рядом с кабинетом Николая Павловича. Запомнились две из них – Наталья Алексе-

евна Кузьмина и Эсфирь Соломоновна Спунгина, которые научили меня некоторым секретам своей профессии, в совершенстве ими освоенной. Важными людьми были старшие лаборанты – Ольга Павловна Савельева, всю свою трудовую жизнь проработавшая в Институте, и Елена Ивановна Калинина, – тогда они только-только окончили биофак Университета и в моих глазах уже были совсем взрослыми. Держались со мной, студентом, строго, но благожелательно.

В штат лаборатории входили тогда несколько научных сотрудников – кандидат ветеринарных наук Анна Михайловна Дядькова, занимавшаяся вирусами опухолей у кур и ставшая доктором наук, профессором и заведующей лабораторией вирусологии; кандидаты наук Анна Фёдоровна Кондратьева, изучавшая последствия сочетанного действия канцерогенных факторов, и Вольф Натанович Шалумович, большой, шумный, с виду грозный, но на самом деле добрейшей души человек, потерявший на войне ногу. Он перед войной окончил Институт физкультуры им. Лесгафта и воевал в лыжном батальоне. В лаборатории он ведал цито- и морфометрией и работал на огромном, занимавшем почти всю довольно большую комнату, приборе МУФ-6 (микроскоп ультрафиолетовый), детище славного ЛОМО (Ленинградского оптико-механического объединения). Очень важной персоной был фотограф Борис Яковлевич Голант – безусловно, мастер своего дела. Он делал великолепные микрофотографии опухолей и различных тканей с гистологических препаратов.

В лаборатории были студенты разных вузов: еще до моего появления дипломную работу по трансплацентарному канцерогенезу выполняла студентка биофака ЛГУ Инна Васильева; слушатель 6-го курса Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова Леонид Лещёв изучал влияние экстракта элеутерококка на развитие аденом гипофиза, индуцируемых синтетическим эстрогеном синэстролом. Он же в декабре 1964 года привел в лабораторию Алексея Лихачёва, ставшего одним из ближайших моих друзей на протяжении нескольких десятилетий. Алексей учился в ВМА на одном курсе с Лещёвым, но на 5-м курсе перевёлся в I ЛМИ. Ему было поручено исследовать влияние режимов заморозки опухолей на их последующий рост и метастазирование. Дело в том, что перевивка опухолей на животных – один из «базисных» методов экспериментальной онкологии – достаточно трудоёмкий процесс, который требует постоянного внимания к животным, чтобы не пропустить срока перевивки опухоли, когда она ещё не некротизировалась и животное не пало. Опухоль могла инфицироваться, могла не привиться. Но кусочки опухоли можно было взять у мыши или крысы, измельчить, поместить в стеклянную ампулу, добавить питательную среду и заморозить жидким азотом до -196°C на специальной установке. Запаянные ампулы хранили при низкой температуре в «опухолевом банке» – огромном ящике-термостате с толстыми стенками, который набивали раз в неделю привозимым «сухим льдом».

На втором этаже вивария располагалась лаборатория химических канцерогенных веществ, где работали мой друг Борис Друян, разрабатывая модель опухолей семенных пузырьков у крыс, Николай Николаевич Власов – патоморфолог и джазмен – он очень прилично играл на саксофоне, Марк Абрамович Забежинский – ходячая энциклопедия – не было вопроса, на который он не мог бы дать ответа, особенно если это касалось канцерогенеза, литературы, истории города или страны. Заведовал лабораторией доктор медицинских наук Геннадий Борисович Плисс, ученик Л. М. Шабата, крупный специалист по химическому канцерогенезу. В I Меде на кафедре патофизиологии на занятиях, посвященных онкологии, нужно было перевивать на крысах лимфосаркому Плисса. Я вызвался сделать перевивку, скромно сказав ассистенту Н. Н. Петрищеву, который вёл нашу группу, что умею это делать и даже знаком с человеком, давшим свое имя этой самой лимфосаркоме.

Вернемся к N-N'-малонил-1-бис-этиленимину. Пролетел год, действие препарата было изучено на нескольких штаммах перевиваемых опухолей у крыс и мышей, и в один прекрасный день Николай Павлович позвал меня, чтобы я показал ему результаты. Я начертил таблицы, графики, с волнением показал их своему руководителю. Препарат довольно сильно тормозил рост некоторых опухолей. «Пиши статью», – велел Николай Павлович. На мой ответ, что, мол, я не умею, он посоветовал посмотреть, как написаны анало-

гичные статьи в журнале «Вопросы онкологии». Через неделю или две статья, как я полагал, была готова. «Что это такое?» – спросил Николай Павлович, мельком взглянув на принесенные мной листки. «Не буду же я разбирать твои каракули. Печатай на машинке!» Старенькая лабораторная пишущая машинка «Ятрань» с графитовой лентой никак не поддавалась. Статью пришлось перепечатывать два или три раза, прежде чем Николай Павлович согласился взять её на проверку. В авторах рядом с его фамилией я решился поставить свою. Через неделю или две я получил от него текст, сплошь исчерканный и исписанный мелким аккуратным почерком зелеными чернилами. Мне показалось, что ни одного написанного мною слова в статье не осталось. Стыдно было очень, но самое главное было то, что свою фамилию Н. П. вычеркнул. «Ты хорошо поработал, и это твой материал», – сказал он в ответ на мои протесты. Это был урок на всю жизнь! Позднее Николай Павлович сформулировал нам, своим ученикам, «правила соавторства». В любой исследовательской работе есть несколько этапов: формулировка идеи, разработка подробного плана работы (как сделать?), собственно выполнение опыта, обсуждение результатов (что получилось?) и написание статьи. Право на соавторство дает участие в двух, лучше – в трех позициях. При участии в одной-двух позициях достаточно слов благодарности в конце статьи. Этого простого и понятного принципа, к сожалению, не знают или знают, но не придерживаются, многие руково-

дители в научном сообществе, с чем мне, как и многим другим, приходилось многократно встречаться позднее.

Статью я перепечатывал еще пару раз, прежде чем она с визой Николая Павловича и сопроводительными документами была, наконец, отправлена в редакцию журнала «Вопросы онкологии». Как я радовался, когда во втором номере за 1967 год была опубликована моя первая научная статья ⁹! Для студента, а я был тогда уже на 5-м курсе, это было совсем даже неплохо. И на пишущей машинке я уже печатал довольно бегло, хотя и двумя пальцами.

Лаборатория экспериментальных опухолей

В 1965 году наша лаборатория и лаборатория химических канцерогенных агентов начали переезд в новый корпус. Лаборатории экспериментальных опухолей отвели помещения в середине третьего этажа лабораторного корпуса. Соседями были лаборатория эндокринологии, с одной стороны, и лаборатория цитологии – с другой. Стали переезжать с Каменного острова и остальные лаборатории экспериментального сектора Института. Когда Институт онкологии находился на Каменном острове, в его состав входил отдел экспериментальной онкологии, которым руководил академик АМН СССР Леон Манусович Шабад. Затем Шабад

⁹ Анисимов В. Н. О противоопухолевой активности N-N'-малонил-бис-этиленимина // *Вопр. онкол.* 1967. Т. 13. № 2. С. 91–92.

был приглашен возглавить отдел канцерогенеза во вновь созданном в Москве Институте экспериментальной и клинической онкологии (ИЭКО). Заведовать отделом экспериментальной онкологии в Ленинградском институте онкологии был приглашен крупный фармаколог и токсиколог профессор Николай Васильевич Лазарев. Когда заканчивалось строительство нового здания в Песочном, было принято решение о расширении штатов Института. Были созданы новые лаборатории, которые возглавили тогда совсем ещё молодые научные сотрудники отдела – П. П. Дикун (лаборатория биофизики), Н. П. Напалков (лаборатория экспериментальных опухолей), В. М. Дильман (лаборатория эндокринологии), Г. Б. Плисс (лаборатория химических канцерогенных веществ), Т. А. Коростелёва (лаборатория иммунологии), М. П. Птохов (лаборатория цитологии), А. Н. Паршин (лаборатория биохимии), С. Ф. Серов (лаборатория патоморфологии), А. Л. Ремизов (лаборатория органического синтеза). Николай Васильевич Лазарев возглавил лабораторию фармакологии и токсикологии.

Лабораторию опухолевых штаммов переименовали в лабораторию экспериментальных опухолей, поскольку работа с перевиваемыми опухолевыми штаммами занимала весьма скромное место в проводившихся в ней исследованиях. Основным направлением было изучение закономерностей трансплацентарного канцерогенеза. Толчком к ним послужила нашумевшая в 1958 году история с талидомидом,

таблетки которого, обладавшие снотворным эффектом, принимали в Германии беременные женщины. У этих женщин стали рождаться дети с различными уродствами. Разразился грандиозный скандал. Все бросились изучать тератогенность лекарственных препаратов. Однако еще более опасным представлялось развитие злокачественных новообразований у детей, матери которых во время беременности подвергались воздействию тех или иных химических веществ, включая лекарственные препараты. Лидерами в исследованиях по этой проблеме были лаборатории А. Друкрея в Германии, Дж. Райса в США и наша лаборатория, которую в 1964 году возглавил ученик академика АМН СССР Л. М. Шабада Николай Павлович Напалков. Им уже были начаты огромные по своим масштабам исследования канцерогенности тиреостатиков в ряду поколений. В одном из опытов крысы и их потомки получали препараты в течение 17 поколений!

Нужно сказать, что Николай Павлович Напалков сам был примером многогенерационного эффекта в медицине. Он родился 28 июля 1932 года в семье потомственных медиков, внесших существенный вклад в медицинскую науку и развитие отечественного здравоохранения. Его дед, профессор Николай Иванович Напалков (1867–1938), являлся одним из крупнейших российских хирургов. Отец – Павел Николаевич Напалков (1900–1988), заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, в годы Великой Отечественной вой-

ны был главным хирургом 2-го Белорусского фронта. В годы войны родители Николая Павловича были в действующей армии, а он был эвакуирован из осаждённого Ленинграда. Но судьба так распорядилась, что он 11-летним мальчиком стал «сыном полка», вернее, медсанбата, с которым прошёл фронтовыми дорогами половину Европы, встретив День Победы на Эльбе. Окончив в 1956 году с отличием Ленинградский санитарно-гигиенический медицинский институт, Николай Павлович поступил в аспирантуру при НИИ онкологии АМН СССР, с которым связал в дальнейшем большую часть своей научной и общественной деятельности.

С переездом лаборатория стала насыщаться новым оборудованием, которое мы тогда во множестве получали. Мне это было не в тягость – сказывалась стройотрядная закалка. Мы перетаскивали бумаги, оборудование и препараты из здания вивария в свои пахнущие краской и новой мебелью «хоромы». Начали появляться и новые сотрудники. В 1966 году Николай Павлович пригласил из Института экспериментальной медицины АМН СССР старшим научным сотрудником ученика академика Н. Н. Аничкова патологоанатома Казимира Мариановича Пожарисского. Один из его предков был знаменитым русским патологоанатомом. Был также из ИЭ-Ма приглашен ученик академика П. Г. Светлова – эмбриолог Валерий Анатольевич Александров. Они оба уже были кандидатами наук и как минимум на 7–10 лет старше меня. Алексей Лихачёв в 1966 году закончил I ЛМИ и поступил в

ординатуру НИИ онкологии им. проф. Н. Н. Петрова, которую проходил в нашей лаборатории. В 1967 году поступил в аспирантуру Яков Шапошников, бывший совместным аспирантом Н. П. Напалкова и профессора С. А. Нейфаха, заведовавшего лабораторией биохимии в ИЭМе.

К. М. Пожарисский развернул грандиозные эксперименты по изучению морфогенеза экспериментального рака толстой кишки и морфогенеза опухолей центральной нервной системы, индуцируемых нитрозосоединениями. Рак толстой кишки индуцировали введениями 1,2-диметилгидразина, который был примесью при производстве 1,1-диметилгидразина, входившего в состав ракетного топлива. ДМГ синтезировали для нас в «закрытой» лаборатории известного института со смешным названием ГИПХ (Государственный институт прикладной химии). В. А. Александров размножал крыс и вводил им на разных сроках беременности самые разнообразные вещества и их сочетания, а пришедший в лабораторию в 1970 году канд. мед. наук В. И. Колодин занялся гистохимическим исследованием опухолей нервной системы и почек, которые развивались у крыс в этих опытах. А. Лихачёв также занялся трансплацентарным канцерогенезом, но на мышах. Мне же была уготована другая судьба.

Меня освободили от совместительства в должности санитаря – в большом помещении нужен был постоянный работник, но предложили поработать сторожем вивария. Это была замечательная работа! Я мог спокойно готовиться к се-

минарам в кабинете заведующего виварием Виктора Егоровича Дергачева, включив роскошный по тем временам стереоприемник «Ригонда». И, конечно же, я мог беспрепятственно заниматься своими опытами. К тому же работники кухни вивария не забывали оставлять для дежурного кастрюлю с наваристым супом. В 40-литровых бидонах всегда была роскошная простокваша – в те времена в рацион животных ещё входило молоко. Его остатки рачительный Виктор Егорович превращал в простоквашу. В обязанности сторожа входил обход всех помещений вивария перед закрытием в 9 часов вечера. Нужно было проверить, выключен ли свет, закрыты ли водопроводные краны, двери комнат и клеток с животными. Последнее имело особую важность. Живший в виварии здоровенный кот Черныш отлавливал и поедал сбежавших из клеток мышей и крыс, что было, в общем-то, полезно. Однако если дверь в комнату была не закрыта, он мог лапой открыть клетку с ценнейшими подопытными животными, и тогда приходилось начинать всё сначала! Помню, как-то он сожрал целых десять мышей из моего опыта, и я гонялся за ним по виварию с палкой. Баба Катя, служившая в виварии еще при Шабаре, повесила на дверь комнаты с мышами, за которыми она ухаживала, плакат со стихами собственного сочинения: «Закрывай плотнее дверь – сбережёшь бесценный зверь!» И я следовал этим мудрым словам.

В лаборатории был небольшой конференц-зал, куда из кабинета Николая Павловича в виварий мы перенесли банки с

опухолями животных, коллекцию которых начала собирать еще первая заведующая лабораторией опухолевых штаммов Нина Александровна Кроткина. Она была одним из первых экспериментаторов в онкологии и одной из самых преданных учениц Н. Н. Петрова. Родилась она в 1886 году в Симбирске в дворянской семье. Окончив в 1903 году гимназию, поступила в Симбирскую фельдшерскую школу. По окончании её (в 1908 году) училась в Женском медицинском институте в Петербурге (позже переименованном в I ЛМИ им. И. П. Павлова). Окончив институт с отличием, получила место ординатора на кафедре госпитальной хирургии профессора А. А. Кадьяна. Обладая значительным хирургическим опытом и блестящей оперативной техникой, с 1922 года начала сотрудничать с Н. Н. Петровым, избранным заведующим кафедрой после смерти Кадьяна. В полуподвальных помещениях его хирургической клиники Кроткина ставила первые опыты по индукции опухолей кожи у кроликов смазыванием каменноугольной смолой. В 1924 году ей была присвоена ученая степень доктора медицинских наук. Мне довелось лишь однажды лично встретиться с Ниной Александровной. Незадолго до кончины она пригласила сотрудников лаборатории приехать к ней домой на Большой проспект Петроградской стороны, чтобы взять нужные нам книги. Квартира была в доме, где размещался кинотеатр «Молния». Она сидела с отсутствующим взглядом на диване в своем домашнем кабинете. Над письменным столом висел

большой, в полный рост, портрет Сталина, горячей почитательницей которого была Нина Александровна. Помню, как я принимал участие в ее похоронах и даже был на поминках. Участвовать в похоронах, отдать последнюю дань уважения ушедшему коллеге, «патриарху», хотя уже более полутора десятилетий не работавшему в Институте, да и чисто физически помочь немногочисленным родственникам Нины Александровны в такой момент, как и быть на поминках, меня и других своих молодых сотрудников обязал Николай Павлович. Ещё один его урок – урок отношения к учителям!

Через несколько дней после похорон мы тем же составом вновь поехали в квартиру, на этот раз разобрать книги по медицине, которые оказались ненужными ее наследникам. Тогда мне досталось толстенное издание Стенографического отчета сессии ВАСХНИЛ, на котором Трофим Денисович Лысенко со товарищи громил советскую генетику. Я был потрясен, прочитав эту книгу запоем, – ничего подобного я до сих пор не знал. В Институте, на 1-м курсе, вероятно, навсегда испуганный той сессией профессор кафедры биологии Литвер бубнил нам о вейсманистах-морганистах и клеймил генетику, а доцент С. С. Скворцов, знавший её, одно время был лишён из-за этого работы, продолжал находиться в опале и не имел права делиться с нами своими знаниями. Всего этого я тогда, конечно, не знал, да и узнать было негде.

Но про самоотверженный поступок первой заведующей лабораторией опухолевых штаммов нужно знать всем, и не

только онкологам: Нина Александровна Кроткина всю блокаду провела в Ленин-граде, работала хирургом в госпитале, одновременно продолжая научно-исследовательскую работу по онкологии. В самый тяжелый период блокады она сохранила ценнейших мышей с опухолями, делясь с ними крохами от своего блокадного пайка¹⁰. Это настоящий научный подвиг, который не может быть забыт! До сих пор с фотографии на стене конференц-зала на сотрудников смотрит молодая привлекательная женщина, проявившая себя в крайне критической ситуации такой мужественной, благородной и преданной делу.

Целина-1965

После окончания 3-го курса я снова собрался поехать на целину, причем только с отрядом своего Института. Эшелоны из Питера уходили раньше, чем заканчивалась сессия у третьекурсников, поэтому пришлось сессию сдавать досрочно. Заведующим кафедрой фармакологии был выдающийся ученый и блестящий лектор академик АМН СССР Артур Викторович Вальдман, лекции которого пропускали лишь самые отпетые лентяи. Артур Викторович не любил «торо-

¹⁰ Напалков Н. П. Основные направления работы лаборатории экспериментальных опухолей // В кн.: Сорок лет деятельности Ленинградского института онкологии Министерства здравоохранения СССР (1926–1966). Л.: Медицина, 1966. С. 54–59.

пыг» – тех, кто старался сдать экзамены досрочно. У таких студентов он всегда принимал экзамены сам. Я, наверное, не пропустил ни одной лекции Вальдмана, – у меня были идеальные конспекты всех его лекций. Фармакология мне очень нравилась своей логикой, интегральностью и давала ощущение, что ты действительно можешь с помощью таблеток, пилюль или инъекций остановить патологический процесс, излечить больного и дать надежду страждущему. Артур Викторович быстро прервал меня, когда я начал было отвечать по билету, поскольку увидел, как я положил перед собой несколько исписанных листков с нарисованными схемами. «Покажите, что вы написали, – попросил он, бегло взглянул и сказал: – Ну, вы это знаете. Я задам вам вопрос: есть новый препарат, центральный м-холиномиметик, неважно как он называется. Каково будет его влияние на гладкую мускулатуру, на артериальное давление, на нервную проводимость?..» Он быстро «протестировал» меня по всем системам. «Так, это вы знаете... Хорошо, а что нужно сделать, чтобы получить пролонгированную лекарственную форму этого препарата? А если у него плохая растворимость в воде, а вводить нужно в инъекциях? Что такое ЛД50?» Вопросы следовали один за другим, но я держался: все-таки я прослушал весь курс лекций, проштудировал учебники, да еще успел к этому времени провести несколько экспериментов по изучению противоопухолевой активности нового алкилирующего препарата в Институте онкологии. «Хорошо, – сказал Артур

Викторович, – достаточно, давайте зачетку». Открыл и добавил к ряду отличных оценок, полученных мной на других экзаменах, еще и свою оценку «отлично», чем я горжусь до сих пор.

Попасть в отряд I ЛМИ было непросто: целина здорово сдружила многих, «целинники», как называли там побывавших, ходили в романтическом ореоле, знали множество песен и вообще чувствовали себя «настоящими людьми». «Ветеранов», то есть тех, кто был на стройке уже до этого два года, брали в первую очередь – ведь у них была строительная квалификация и бесценный опыт. Отряд был замечательный, в нем было много «ветеранов», которые были уже второй или даже третий раз на целине – Сергей Кетлинский, Евгений Соболев, Сергей Сергеев, Эдуард Куриленко, Борис Палей и другие. Отряд был «спетый» – когда на встречах с другими отрядами вставал наш отряд и в 60 глоток пел свой гимн «Обгорев на кострах эмоций, мы по жизни шагаем ногами, симпатичнейшие уродцы с перевернутыми мозгами...», это производило впечатление.

Ещё до отъезда в комитете комсомола нашли в шкафу забытое китайское красное знамя с нашитыми на него иероглифами. Сколько оно там пролежало – неизвестно, видно с 1950-х годов, когда в Институте училось много студентов из Китая. Иероглифы срезали, и одна из бригад нашла их на свои голландки, которые мы получали из гвардейского экипажа в Кронштадте. Стройотрядовская форма появилась

позднее. Бригадиром «китайцев» был Эдуард Куриленко, у него был китайский значок с изображением Мао Цзэдуна. Валерий Нозик получил титул «дядюшки Джана» за то, что написал песню на мелодию гимна «Алеет Восток». В бригаде «китайцев» сочинили также песню «Вставайте, китайцы, Мао уже встал!», которую обычно пели после «Уродцев». Запомнились слова из неё:

Мао в столовую двинул,
Огромную ложку берет.
От зависти рот свой разинул
Великий китайский народ.

Китайцев было жалко...

Командиром отряда был назначен Владимир Беляевский, который был на курс моложе меня. Он оказался замечательным организатором. Ещё в институте он стал членом обкома комсомола, после окончания учился в аспирантуре на кафедре организации здравоохранения, защитил кандидатскую диссертацию, затем стал главным врачом поликлиники I ЛМИ, а потом – главным врачом «театральной» поликлиники на Невском проспекте. На целине он гонял на мотоцикле по бригадам, которые возводили объекты в разных отделениях совхоза «Искра», в котором работал отряд. Про него тоже сложили песню, начинавшуюся так: «Ох, Володенька, наш начальничек, продавай скорее свой чихальничек...»

Отрядным врачом была Алла Дворкина – она хорошо себя проявила еще на первой целине. Мастером был старшекурсник ЛИСИ Валерий Орельский. Он был весьма квалифицированным строителем, отличался невозмутимостью и великодушным чувством юмора. Однажды мы приехали вечером из Карловки, где бригада, в которой я работал, строила жилые двухквартирные дома, и увидели, что Валерий с поварами сидит горестно у обрушившейся кухни. Поварихи рассказали, что Валерий сидел на лавочке на кухне, писал наряды и вдруг увидел на столбике мирно сидящую мышку.

– Мышка, уйди, – попросил строгим голосом Валерий. Когда мышка не послушалась на третий раз, Валерий взял свое ружьё, которое стояло у него рядом, и выстрелил в мышку. Мышка исчезла, но заряд дроби перебил одну из стоек кровли, и она рухнула, обрушившись на котлы, в которых готовился наш ужин.

Этот год был просто замечательным. Отряд послали в Энбекшильдерский район, расположенный не очень далеко (около 250 км) от Борового – жемчужины Кокчетавской области, где была уже лесостепь, несколько гор и озера. Отряд наш жил в больших палатках, стоявших в небольшой сосновой роще, что защищало от жары и создавало свою атмосферу для ежедневных костров и песен под гитару. Незабываемыми были поездки на День строителя в Боровое или в гости к стройотряду Тартуского университета, бойцы которого научили нас «Летке-еньке» и другим эстонским танцам и

песням.

Запомнилась поездка за 40 км в баню в райцентр Степняк. Возвращались часов в десять вечера под звездным пологом, сверкавшим своим великолепным Млечным Путем. Вдруг в вышине вспыхнуло ослепительное «яблоко», из которого пошла тоненькая ракета, за ней потянулся сверкающий хвост. Затем мы видели, как отделилась и отстала одна ступень, ракета превратилась в сверкающую точку, а ее хвост соперничал по яркости с Млечным Путем. Мы остановились и поехали лишь тогда, когда ракета ушла за горизонт. Утром по радио сказали, что в Советском Союзе «осуществлен запуск» космического корабля со спутником «Космос-44». До Байконура было около трёхсот километров...

Кстати, о Степняке. Когда я описал в письме домой эту нашу поездку, отец попросил узнать, не было ли в Степняке золотых шахт. Я выяснил у местных жителей, что золотые шахты были еще до войны, потом золота стало совсем мало и их закрыли. По возвращении я спросил отца, чем был вызван его странный вопрос.

– Дед твой работал на шахте в Степняке мастером, и мы с твоей бабушкой Таней и твоими тётками – моими сёстрами – несколько лет там жили перед войной, – все, что тогда мне сказал отец. Лишь в перестроечные времена он рассказал, почему деда, который был механиком по драгам и электрическим машинам, занесло в те края. Оказывается, в злопамятные 1930-е годы на деда кто-то «настучал», что его стар-

ший брат Костя был белым офицером. Дед Костя был, действительно, лейб-гвардии полковником. Он погиб в Первую мировую войну где-то в Галиции, в Брусиловском прорыве. Деда Сашу не расстреляли за то, что скрыл родство с белым офицером, а отправили в ссылку – его квалификация была нужна на золотых и урановых рудниках. Двоюродная сестра отца тётя Галя, жившая в Москве и рассказавшая мне уже в 1990-е годы многие подробности истории нашей семьи и даже показавшая фотографию легендарного деда Кости, утверждала, что дед Саша был знаком с Климом Ворошиловым, и это спасло его от расстрела. Отпустить его, раз взяли, было не с руки, поэтому расстрел заменили ссылкой.

Письмо Гансу Селье

На 4-м курсе института пришлось оставить занятия в спортивной секции. Всё свободное время я проводил в Песочном – в Институте онкологии. Правда, иногда я участвовал в соревнованиях по ручному мячу, лыжам и даже первенстве института по футболу. На курсе появились двое новеньких – из Челябинского медицинского института перевелись два студента – Олег Киселёв и Виктор Федоров. Они были отличниками, хотели заниматься наукой и выбрали ИЛМИ как стартовую площадку для входа в храм науки. Так получилось, что мы быстро сдружились. Виктор занимался в СНО на кафедре факультетской терапии, а Олег Киселёв

выполнял на кафедре судебной медицины какую-то научную работу о роли холинэстеразы в головном мозге при стрессе. Как-то он ставил большой опыт и попросил ему помочь иммобилизовать крыс. Мы привязывали бинтами за лапы, растягивая крыс на досках, и оставляли на несколько часов. Крысам это явно не нравилось, они отчаянно сопротивлялись и пищали.

С. О. И. Киселёвым на конференции
в Институте медицинской приматологии РАН.
Азлер, август 2010 г.

Одним из результатов опыта было установление феномена большей устойчивости к стрессу самок крыс. Нужно было посмотреть в литературе, насколько это было новым. На удивление, нам удалось обнаружить очень немного данных по этому вопросу. Нашли работу, в которой на классической физиологической модели изолированного нервно-мышечного препарата лягушки было показано, что в ответ на раздражение электрическим током мышца самки отвечала значительно дольше, чем мышца самца. Книгу создателя теории стресса Ганса Селье «Очерки об адаптационном синдроме»¹¹ мы нашли в научной библиотеке Института, тщательно проштудировали, но не обнаружили в ней указаний о существовании полового диморфизма в реакции на стресс. Тогда мне пришла в голову мысль обратиться к самому Селье. Сказано – сделано. В Публичной библиотеке был найден адрес классика, и я написал ему письмо, в котором просил прислать оттиски его работ на эту тему. Письмо отправил через международный отдел Института онкологии (такой был тогда порядок), указав обратный адрес Института. Спустя какое-то время на моё имя в Институт пришёл увесистый пакет, в котором был каталог, если не ошибаюсь, около двух тысяч публикаций великого ученого. В сопроводительном письме Селье благодарил меня за интерес к его работам и выразил готовность прислать оттиски любых нужных мне статей, указав лишь их порядковые номера в каталоге, поскольку сам

¹¹ Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960.

не помнит, в какой работе содержится ответ на мой вопрос. Письмо было напечатано на пишущей машинке на английском языке, но подписано по-русски «Ганс Селье». Селье был чехом, но жил и работал в Канаде. Я очень гордился этим письмом, показывал друзьям. Оно до сих пор хранится в моих бумагах среди дорогих мне писем. Тогда меня поразило, что ученый такого уровня ответил студенту. Примеру Г. Селье отвечать на письма студентов, начинающих исследователей и врачей, которые в эпоху Интернета довольно часто мне приходят по электронной почте, я неизменно стараюсь следовать.

Практика в Кандалакше

В 1966 году, после 4-го курса, мы не могли поехать на целину – нам предстояла двухмесячная врачебная практика. Можно было выбрать клинику в городе или в глубинке – от Прибалтики до Мурманска. Восемь парней и две девушки выбрали районную больницу заполярной Кандалакши. Название города объясняли как «кандалы кши», то есть снимай кандалы – мол, отсюда уже не убежишь. В больнице нас встретили хорошо, распределили по отделениям. Большинство врачей сразу ушли в отпуск, на каждом отделении оставалось по одному-два врача для надзора за нами. Мы все сразу устроились подрабатывать в больнице, кто на отделениях, с которых начинали практику, кто на станции ско-

рой помощи. Мы с Женей Соболевым попали сначала в гинекологию, где и проработали дежурантами весь срок практики, даже когда переходили на терапию и хирургию. Практика была замечательная: мы принимали роды в родильном отделении, вели больных, на хирургии ассистировали и даже сами полностью выполняли несложные операции. По совету К. М. Пожарисского я познакомился с патологоанатомом районной больницы – нужно было набираться опыта работы в прозектуре. Весь 4-й курс по его рекомендации я довольно регулярно ездил в прозектуру Александровской больницы, которой заведовал известный патологоанатом профессор С. С. Вайль. Патологоанатомом в Кандалакше была Наталья Артуровна Аброян, совмещавшая должность судмедэксперта. Она с удивлением отреагировала на мою просьбу дать мне возможность производить вскрытия – такого пожелания от студентов-практикантов ей не приходилось слышать. Однако, когда я сослался на рекомендации Пожарисского, да еще узнав, что я ездил учиться к самому Вайлю, она взяла меня под свою опеку, и почти все, что поступало в ее печальное отделение, прошло за эти два месяца через мои руки.

Однажды мы производили вскрытие повесившегося самоубийцы.

– Сколько часов он провисел в петле, пока его нашли? – тоном экзаменатора спросила меня Наталья Артуровна. Судя по некоторым признакам, которые я четко ей перечислил,

не менее пяти часов.

– Правильно, – заметила она меланхолично, – а твои коллеги, дежурившие на скорой и вынудившие несчастного из петли, полчаса пытались реанимировать его. И даже делали искусственное дыхание «рот в рот»...

– Вот какие добросовестные! – всё, что я мог сказать. Кстати, один из них стал профессором хирургии, а другой – эпидемиологом, кандидатом медицинских наук.

В один прекрасный день во время прохождения трехнедельной практики в хирургическом отделении старшая сестра попросила Юрия Стефаненко и меня привезти самосвал земли для новой клумбы перед хирургическим корпусом. Это было нам совсем несложно, самосвал мы накидали быстро, привезли, разровняли землю и пошли докладывать старшей сестре о выполненном задании. Она пригласила нас к себе в кабинет, достала из ящика стола хлеб с салом, луковку, поставила два стакана и налила до половины чистого спирта из огромной оранжевого стекла бутылки.

– Вам разбавить или чистый потребляете? – задорно сказала она.

– Конечно, неразбавленный, – уверенно сказал Юрий, отслуживший армию и бывший чуть ли не мастером спорта по боксу. Я не решился показать свою неопытность перед бравым товарищем и перед дамой и, выдохнув, лихо опрокинул содержимое стакана в рот, закусив салом. Расстояние от хирургического корпуса до дома, где мы квартировали, было

не более ста метров. Помню, как мы вышли из отделения, а вот как я очутился на своей кровати, совершенно выпало из моей памяти, хотя никогда в жизни после той истории я не пил неразбавленный спирт и другим не советую.

Студент 5-го курса I ММИ им. акад. И. П. Павлова –
в лаборатории экспериментальных опухолей

Перед отъездом из Кандалакши врачи, вернувшиеся из отпусков, в благодарность за ударный труд устроили в нашу честь банкет в ресторане «Нива». Банкет прошел на высоком уровне. Мурманский экспресс «Арктика» проходил через

Кандалакшу в 3 часа ночи. Можете себе представить, уважаемый читатель, сцену, когда колонна из семи карет скорой помощи проследовала от ресторана через весь спящий город и торжественно выкатила на привокзальную площадь. Когда к перрону подошел поезд, из каждой машины на носилках вынесли почти бездыханные тела, которые на глазах потрясенной проводницы и нескольких пассажиров, страдавших бессонницей, заботливо были погружены в вагон, внесены вещи «болезных». Машины и их бригады уехали от вокзала только после отправления поезда в Ленинград... Утром мы нашли среди своих вещей авоську, в которой стояло несколько сосудов с живительной влагой «для поправки здоровья». Поправив здоровье, мы обнаружили, что одного товарища нет с нами. Потом мы узнали, что он просто уснул в ресторане, запершись в туалете, и его не нашли, чтобы погрузить вместе с коллегами. Он приехал только через трое суток, так как утром потребовал, как он нам живописно потом рассказывал, «продолжения банкета».

Медбрат послеоперационного отделения

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.